

Екатерина Дьяконова

**Путешествие дилетантов
в Заокеанские дали.**

Повесть. Биография чувств.

Издательство «Хамелеон»
Санкт-Петербург
2007

УДК 82-1/-9-31
ББК 84-44 Д93

Чужой далекий берег Атлантики Олег назвал его в стихах «Берег Печали». Мы, сидя на раскидистых камнях, с невыразимой тоской следим за полетом птиц в сторону Европы. Там спрятан великий Мирвоц Магнит – Россия. Ощущая себя крошечными песчинками под незнакомым южным небом, мы едва справляемся с раздирающим комком в горле.

Следим за полетом ветра в ту, приятательную сторону. Как мы ему завидывали! Но знали, он несет на Родину нашу любовь и надежду – когда-нибудь увидеться!

© Екатерина Дьяконова

Посвящается моему
дорогому мужу –
Юрию Викторовичу Дьяконову.
Если бы тогда он был с нами,
он никогда бы не допустил
того тяжелого, что произошло.

«Взгляд зверя значит больше
груды прочтенных книг».
Мудрец.

Часть первая

"Смысл глубокий та-
ится
В двух городах на бо-
лотах –
В одном побывал ко-
гда-то,
В другом - утонул в
заботах..."

О. Дьяконов.

- "Нет, это не моя страна!" – уверенно сказал Олег, когда мы только подлетали к Буэнос-Айресу. Мысль, возникшая из глубин подсознания прочно засела и закрепи-лась в его голове. По сути, это был отбой. Фиаско.

Но все только начиналось. Предстояло проиграть мгновенно увиденное. И пережить. Обратной дороги не было. Самолет "Аэрофлота" пронзал ярко-голубое пространство вселенной, не обращая внимания ни на чьи эмоции, неся как сумасшедший, очертя голову навстречу нашей непредска-зуемой судьбе.

- "Нет, нет"! – повторил мой сын, когда мы мчались в аргентинском такси, под названием "ремис" по хорошей дороге мимо халуп и лачуг в город.

Глава 1. Остановка.

На острова "Зеленый Мыс" – негритянское государство Западной Африки – мы прилетели в 2 часа ночи по местному времени. Нам предстоял перелет через Атлантический океан и самолету необходимо было заправиться. Всем было предложено покинуть самолет, пройти пешком по взлетному полю не очень далеко до аэровокзала и там подождать окончания процедуры с заправкой. Мы с Олегом и киской Рикой направились со всеми пассажирами, куда нам указали. Абсолютную темноту южной ночи освещал только один мощный прожектор.

Я взяла с собой в поездку кошачий поводок, который до этого никогда на нее не надевала и перед входом в здание я попыталась это сделать. Минуты две, поборовшись с Рикиным сопротивлением, мне

удалось натянуть ей за лапки и шейку узкие мягкие кожаные ленточки. Теперь мы могли идти с ней рядом, как два равноправных пассажира. Сын пошел вперед осматривать помещение, а мы с Рикой важно шагали мимо огромного роста негров. Они доброжелательно нам улыбались, показывали вверх поднятый палец руки и повторяли: *Hola! Sea usted bienvenida!*" Нам было ясно, что им понравилась наша голубоглазая красавица, но они откуда-то знали наш русский жест превосходной степени похвалы. Мы с Рикой улыбнулись им также мило, и пошли дальше, привлекая к себе внимание окружающих.

Я уже говорила, что на островах "Зеленый мыс" располагается чисто негритянское государство, свое жизненное устройство они изобрели сами. Работают социальные законы. У нас было мало времени для более детального знакомства со страной. Нас вскоре позвали на посадку. Но не дают забыть себя приветливые негровеликаны, знающие чисто русские юморные жесты, черное небо, даже звезд не было видно, едва освещенная дорожка к трапу

и загадочная южная страна, где во всем порядок.

Глава 2. Таможня.

Наше прибытие в аэропорт с последующими событиями было настоящим стрессом. Подойдя к таможенному барьеру, я обнаружила, что документов, разрешающих въезд в страну при мне нет. Вспомнила, что в суматохе сунула их в чемодан, надеясь позже переложить поближе, но в предотъездной суете, так и не сделала этого. Они так и остались в чемодане, который по всем правилам, сдали. Получить же чемодан можно было только, предъявив документы. Ситуация была глупейшая. Но не безвыходная. Рядом стоял мой сын. По его лицу было видно, что он знает, что я что-то предприму. Только не знал что. И я тоже не знала.

Мы стояли возле стойки и задерживали очередь, но из нее не уходили. Все осложнялось еще тем, что в руке я держала саквояжик с нашей любимой кошечкой Рикой. Она безумно устала от дли-

тельного путешествия более суток, от грохота и впечатлений. Ей было уже 15 лет от роду, мы боялись за нее, как она перенесет такую встряску. Во время топтаний около стойки она жалобно пищала и изо всех оставшихся сил раскачивала свое временное пристанище, требуя выпустить ее на заслуженную свободу. Мы, как пригвозжденные стояли насмерть у таможенной стойки, никуда не сворачивая. Я бормотала: "Senor, por favor, dokumento en maletas!"

А в голове моей проносились варианты: что предпринять. Положение становилось суровым. Могли надолго застрять.

И вдруг я, оглянувшись, скользнула взглядом по очереди, в хвосте увидела Надю. Это было спасением. Она махала рукой какому-то молодому человеку, он махал ей, высоко вскидывая длинную руку. Видно было, что рад встрече с Надей. Как потом оказалось, Надя была его неродной бабушкой.

Надя заметила меня, сразу поняла, почему мы застряли у барьера, и только сказала два слова: "Освальдо, помоги!" она

подошла поближе к нам, показала на нас рукой.

Все изменилось в один миг. Освальдо подошел к чиновнику, которого видимо, хорошо знал, что-то тихо ему сказал, тот сразу заулыбался и сделал нам приглашающий жест.

Как прекрасна жизнь! Мы вырвались на свободу! Благодаря ненаглядной Рике.

Глава 3. Рика.

Следует сказать, что наша с Олегом дорогая кошечка Рика была настоящим другом, лекарем, психотерапевтом, родным существом и сказочной красоткой. Она чуть-чуть косила, особенно, когда к мордочке близко прислонишься. Сосед по балкону, увидев Рику, где она гуляла, каждый раз у меня спрашивал со значительным видом: "Скажите, а она у вас немного не косит?" На что я отвечала, что точно не знаю. Может быть иногда.

Она не умела рожать, но неустанно и с вожделением стремилась завести потомство. Всех котят от огромного сиамского кота Кинга я раздавала, в придачу наделяя кре-

мовым тортом. Котенка и торт торжественно принимали, а Рика была готова к новым подвигам. Кинга знакомые молодые врачи привозили на машине. Это был умный, заласканный кот, всегда спавший с хозяевами в их постели, между ними. Рику он полюбил страстно. Что-то разглядел в ней такое, что отличало ее от других кошек.

Однажды во время ремонта квартиры я отвезла Рику с котенком Ферри к Кингу. Он так привязался к котенку, не зная, что он его отец. Облизывал его, спал с ним, тащил его в кровать на свое законное место, к хозяевам.

Или разыграло отцовство, или безумно хотелось приласкать малышку, но он даже к Рике относился более спокойно, чем к Феррику. Но она тоже была не лыком шита и вползала к ним под одеяло. Итак, вся кошачья семья была вместе естественной преградой для Тани и Валентина.

Но оставлять Феррика у них не входило в их планы. Пришлось отдать его в другие руки. Что творилось с котом! Это надо было видеть. Он кидался на дверь, не принимал пищу. К тому времени в семье ро-

дился ребенок. Кинг чем-то стал им мешать. И он вскоре умер.

А потом они опомнились и безумно жалели. Жалели, что не оставили Феррика и забросили кота. Ребенок вырос, стал требовать кота, которого видел на фотографиях. Пришлось родителям несколько лет подряд рассказывать мальчику многосерийную сказку о несокрушимой любви Кинга, Рики и Ферри. Только под эти рассказы он засыпал. Эта правдивая сказка – повесть была единственным утешением для мальчика и надеждой на встречу с котом.

Через некоторое время наша Рика опять начала подавать сигналы своей неутолимой жажды к деторождению. Она выходила на балкон, становилась на парапет и утробным басом на всю улицу провозглашала: "Арра, арра!" Какого Арру она призывала, мы не знали, но явно это был боевой клич.

Арру нашла я по объявлению. Это был славный молодой сиамский котик по имени Лешка. Но это уже другой рассказ.

Рика была абсолютно одушевленным существом. Она понимала все, ощущала на

расстоянии мое приближение к дому. Я была еще в конце улицы, а она уже сидела напротив входной двери на карточном столике и неотрывно смотрела на дверь.

А однажды ей меня пришлось просто спасти. Умерла моя мама. После кремации и оформления всех документов на кладбище не давали места. Пришлось урну с прахом взять домой. От всего случившегося я была в шоковом состоянии. Когда ночью ложилась в постель, о сне не могло быть и речи. Ни в одном глазу.

Но Рика не оставила меня в беде. Именно в эти ночи она необычно ложилась ко мне в кровать. Не вдоль меня, тесно прижавшись тельцем, щека к щеке, а распластывалась на мне полностью, своим горячим телом, придавливая и обертывая меня всеми четырьмя лапками. И я куда-то проваливалась без снов и сновидений.

За 17 лет нашей совместной жизни с Рикой произошло только одно единственное чрезвычайное происшествие, негативно на меня обрушившееся.

Однажды, это было на рассвете, я проснулась от такой затрешины по носу, что

посыпались искры из глаз. Я вскочила от резкой боли и жуткой вони и увидела, что моя драгоценная Рика вытирает об мою подушку задние лапы старательно и со знанием дела. Я смахнула ее с подушки, встала и увидела, что моя подушка вся испачкана. Я сдернула постель. Рики нигде не было видно, да я ее и не искала. Зачем?

Я и так все поняла. Это была ревность. Странное темное чувство, поднимающееся откуда-то из недр подсознания. Оно мутит сознание, заставляет делать неординарные поступки, а потом хоть "трава не расти".

Я представляю себе, что испытывала моя Киска, когда ей пришлось 5 дней терпеть собаку, маленькую белую болоночку. Родственница красила пол и попросила меня на несколько дней взять собаку. Собачка пыталась построить из себя главную персону в доме к неудовольствию Рики. Да и само присутствие в ее жилище постороннего лающего субъекта наводило на нее тоску, а этот субъект еще издает неприятные звуки, дергается и машет хвостом во все стороны. Но пришлось терпеть. А куда де-

нешься? Спали со мной обе. Одна по одну сторону, другая – по другую. И делали вид, что не замечают друг друга. Но меня уступить не пожелал никто.

Собачку забрали. Рика спрятала эмоции в кулачок. Но... перестала со мной спать. Она покинула наше с ней лежбище, как только исчезла необходимость с кем-то соперничать. Переселилась на постель к моей маме. Каждый вечер, как только я стелила маме постель, Рика моментально вспархивала к ней под одеяло, высовывала мордочку и ее изумительные голубые глаза неотрывно наблюдали за мной.

За месяц Киска ни разу не пришла ко мне. Должна честно признаться, что мне это было неприятно. Я понимала, что чем-то ее обидела и терялась в догадках, чем. Сначала я даже подумать не могла, что из-за собаки.

Я поняла это позже, когда перебрал все возможные варианты недовольства мной, ничего другого не выискала. Мы жили с ней душа в душу, мы ее всегда нежно любили.

А она думала и вынашивала в своей головке, как меня наказать за предательство. И придумала. Весьма изощренным способом. Сначала я подумала, что лишив меня своего внимания на время сна, она посчитает это достаточным и все забудет.

Но не тут-то было! Она ничего не забыла.. сходила в свой туалет, нарочно испачкала свои лапы и каким-то образом, нигде не измазав ковер на полу цвета чайной розы, пронесла через всю комнату экскримент мне на подушку перед самым моим носом и стала остервенело об нее вытирать задние лапы.

Она здорово разгулялась, вошла в раж и самозабвенно орудуя лапами, со всего размаху треснула меня по моему многострадальному носу. Я встала, подошла к еще темному зеркалу. Нос рассечен пополам, в крови. В этот момент я вспомнила, как в молодости один человек сказал мне, что только за один мой нос можно отдать полжизни. Да, подумала я, мой нос в таком виде, что никто и пяти минут за него не даст. Глядя на свое отражение, в памяти возникла сцена из прошлой жизни. Я стою

возле столика в кафе – автомате. Рядом поглощает еду негр. В кафе вошла полупьяная бомжиха, стала крутиться перед стенным зеркалом. У нее были подбиты оба глаза, вспухшая щека закрывала один глаз, ботинки 45-го размера, спутанные волосы и изодранный болоньевый плащ. Негр смотрел, смотрел на нее, а потом изрек: "Оже красота!" Я покатила со смеху.

Теперь, глядя на своё отражение, я сказала себе: "Оже красота!"

После содеяного поведение Рики резко изменилось. Опять ночью тихо прилезла ко мне под одеяло. Но я решила применить к ней воспитательные меры. Так учил меня мой сын. Делала вид, что не замечаю ее прихода. Не обнимаю и не прижимаю к себе. Просто сдерживала радость молчаливо и тихо.

Кормила я ее обычно на кухне. Ставила ей блюдце с едой и стояла рядом. Отойти я все равно не смогла, она лапкой всегда придавливала мою ногу. Так я и стояла до окончания трапезы. Теперь было иначе. Я давала Рике еду и сразу уходила в комнату. Она не привыкла к такому несолидному

обращению. "Кушать подано" – это было для нее возможно только в моем присутствии. Увидев такое свинство с моей стороны, она и не думала поглощать пищу. Бежала за мной, оставив еду нетронутой. Мой сын – человек строгих правил и сказал, что "такое" прощать нельзя.

Состояние натянутости отношений с киской продолжалось около трех дней.

И вот, однажды вечером, сижу в кресле около карточного столика перед телевизором. Рика сидит на этом же столике рядом с моим лицом и усиленно заглядывает в мои глаза. В ее глазах смятение, беспокойство и даже тревога. Она всей душой хочет со мной помириться, загладить вину.

Я не вижу, что там крутится по телеку, не улавливаю ни одного слова. Мне очень жаль мою кошечку. Я страдаю. И тут я не выдерживаю. Комок в горле жутко мешает. Я обнимаю Рику, она прикидается к моему лицу, мы обе плачем.

Когда в комнату вошел Олег, увидел нас обнимающихся и заплаканных, он спросил: "Что, ты простила? Но она же совершила подлость"!

- Может быть, это подлость по человеческим меркам, а не по-кошачьим? – сказала я. Олег возразил, что это подлость по людским меркам. Но вскоре и сам простил, и мы опять зажили по-прежнему дружной семьей.

Забегая вперед, только скажу. В Аргентине наша милая драгоценная Рикочка тяжело заболела. Спасти ее мы не смогли. И на семнадцатом году жизни мы похоронили ее на крутом откосе в лесной части на берегу Атлантического океана, недалеко от города Mar del Plata. Вернемся к перелету и ко всему тому, что сделала для нас Рика.

Глава 4. Гостиница

Получив вещи, мы вышли и увидели знакомые лица. Встречали нас харьковчане, с которыми мы познакомились перед отъездом в Аргентину. Они прибыли туда на месяц раньше нас. Впятером мы взгромоздились в небольшой ремис и помчались в гостиницу "Чиле". Знакомые уже жили там. В основном она заселена была русскими,

украинцами и условия там были соответствующими.

В архитектурном отношении здание представляло собой оригинальную конструкцию. Средняя часть трехэтажного здания не имела кровли, она насквозь от верха до низа была полой, только лестница связывала этажи, и находилась под открытым небом. Пол был вымощен белыми квадратными плитами, и так как сток от дождя был не решен, вода растекалась, куда ей заблагорассудится.

Это незащищенное центральное пространство окружали жилые апартаменты. Кровля была плоская, там было что-то вроде солярия и сушилось белье. Винтовая лестница была такая узкая, что двое людей не могли разминуться. Чтобы не встретиться с навстречу идущим, приходилось ждать, пока лестница будет свободна. А один раз я долго стояла наверху лестницы и наблюдала, как мужчина извивался, карабкаясь. Он оказался нашим, русским. На пути к гостинице увлекся дегустацией дешевых виноградных вин и теперь корчился, взбираясь, хватаясь за гладкую стену, скользя по ней и по скользким ступеням,

по скользким ступеням, так как перила были непредусмотрены. Он виновато смотрел на меня, и, думая, что я не понимаю по-русски, бормотал: "сеньора, por favor!" Хотелось бросить ему канатец, подтащить его, но, боясь кувыркнуться, я этого не делала.

Досмотрев до конца несусветные акробатические этюды, закончившиеся падением с двухэтажной высоты, я побежала за нашатырным спиртом, потому что, упав, клиент не подавал признаков жизни. Очухавшись, он поднял голову, обвел всех выбежавших жильцов мутным взглядом и сказал: "por favor!" Больше по-испански он ничего не знал.

По прибытии в гостиницу нас встретила жена хозяина. Она оказалась неграмотной, анкету заполнить не могла. Мы заполнили сами, но прочесть она тоже не смогла и вместо подписи ставила католический крест. Следующим этапом было распределение номеров. Наши знакомые жили втроем в одном большом номере. Нас больше устраивали два небольших и нам удалось их получить. Но выяснилось, что с животными нельзя. Рику мы ей не показывали и

Саша тихо, незаметно пронес ее под пиджаком к себе в комнату. Несколько дней спустя хозяйка меняла постели, откинула мое одеяло, а там тихо и мирно спало мое сокровище. Ужасу ее не было предела.

Вечером после нашего прихода она нам выговаривала, но нам тогда было все равно. На днях мы переезжали на квартиру по полученному, вернее, добытому Рикой адресу.

В помещении имелась огромная кухня с огромными столами. А еще на этаже был уголок, где грели чайники. И здесь происходило настоящее, зрелищное упивание неизвестной травой.

Глава 5. Матэ.

Выйдя утром заварить чай, я увидела, как несколько человек насыпают траву в виде темно-зеленого порошка. Заваривают они ее так: порошка насыпают полный сосуд, кажется, его называют *bombilla*. Но кипяток наливают только с одной стороны. Полученное небольшое количество жидкости сосут из трубочки, доливая кипяток в освободившееся место. Но при этом, что у них творится с глазами, это надо видеть.

При каждом глотке они закатывают глаза и замирают от невыразимого удовольствия полета на небеса. При каждом глотке все выше и выше. Я любопытствовала у одной сеньоры, что вызывает у них такой восторг. Она ответила: О! Это - матэ! Кроме междометий я ничего больше не добила. Потом мы пошли в магазин за продуктами, и оказалось, что этой травой завалены все полки и прилавки. Они были в разноцветной упаковке, разного веса и размера.

В этот же день, мы с сыном гуляя по городу, увидели, что эта трава – необходимый

компонент питья и еды аргентинцев. На автостоянках, на асфальте, на бордюрах, на подоконниках, на пляже – везде чашки и термосы с заваренной травой Матэ. Без нее никто не живет. Она очищает сосуды, улучшает настроение, и что-то еще творит с человеком.

Попробовали и мы. Сыну понравилось, она снимает спазмы и предотвращает приступ астмы. Он стал пользоваться ею как лекарством. А мне она не понравилась. Горьковатая на вкус и мне она была ни к чему. Чтобы не отставать от окружающих, мы тоже купили бомбижи и я свою поставила на стол, как память о далекой стране и украшение интерьера.

Но для коренных жителей, возвращенных на этом зелье, его употребление было настоящим ритуалом. Собирались гости. Ничего, кроме фруктов на стол не ставилось. Это давало возможность собираться ежедневно. Что они с удовольствием и делали. Фрукты там очень дешевые. Апельсины 3 кг – 1 доллар. Но ... главной фигурой стола и главной целью собравшихся была – Матэ.

Гости сидели вокруг стола, ожидая своей очереди. Большая бомбича, словно милостивая королева прикасалась к каждому, одаривала парой глотков и спешила наполниться влагой из кипящего чайника. На языке местных жителей эту Королеву называли просто сплетницей, не больше, не меньше. Потому что в то время, когда трубочка была у одного во рту, и он не мог говорить, в это же время все остальные делились новостями и событиями, приключившимися с родственниками и соседями.

На заклатие шло все подряд. Кто женился, кто крестился, сколько детей у Президента и каким образом бомба попала в самолет, в котором летел сын Президента Менема. Для этого и собрались. Но я не понимала, почему они пьют все из одной трубочки, неужели нельзя купить каждому свою? Ведь у кого-то, возможно, болит горло? На это хозяйка Дора сказала: "Зачем тогда собираться? У каждого – дома соси свою трубочку. А горло ни у кого не болит".

Глава 6. Обед по-аргентински.

Московские родственники – двоюродный брат моего покойного мужа – Лев Георгиевич Бондарев и его жена Валентина Яковлевна снабдили нас адресом и номером телефона их знакомого архитектора еще со времен 2-ой мировой войны, проживающего в Буэнос-Айресе. Будучи очень состоятельным человеком, он построил в городе на свои средства церковь. Известный и уважаемый в городе человек, имеющий связи. Живут они с женой на площади Сан-Мартин в самом центре. Мы рассчитывали на его помощь с устройством на работу.

По совету родственников мы купили им в подарок московских карамелек. Это для них самый интересный подарок. Разных московских карамелек с шоколадной и другой начинкой я накупила килограмма 2. но они были, действительно, прелестны. Они сверкали всевозможными цветными фантиками, это был настоящий фейерверк вкуса и цвета.

Итак, еще проживая первые дни в гостинице, я позвонила архитектору. Он прекрасно говорит по-русски, много раз бывает в Москве, но стал вполне адаптированным эмигрантом в Аргентине.

Он предложил заехать за нами завтра в 18 часов. Но очень строго сказал: "Только ни в коем случае не обедайте!" Мы, внемля его строгой просьбе морили себя голодом, предвкушая невиданный шикарный обед.

В назначенное им время он подъехал на своей великолепной машине. Мы с сыном уселись со своим драгоценным кулком и минут через 10 оказались у его роскошного дома.

Здание было построено в начале прошлого века в стиле роккоко. Его квартира помещалась на третьем этаже. Мы поднялись лифтом; по всему периметру стены кабины были кружева. Сквозь "кружевные" узоры просвечивали зеркала. В холле были зеркальные стены, рядом стояли цветы. Такой "предбанник" обещал роскошные апартаменты. Но, войдя, мы увидели огромное помещение, разделенное на три неравные части. Самой большой зоной была гостиная

с диванами, она называлась ливингом. Один небольшой отгороженный уголок назывался столовой, другой – спальней.

Вошли, уселись, познакомились с его женой. Она наполовину чешка, а на вторую половину – мы так и не поняли. Но прекрасная русская речь! Вроде вчера из Москвы.

Мы поставили на стол знаменитый кулек с заморскими (с их точки зрения) сладостями. И в тот же миг, кулек даже не успел покрасоваться своим великолепием, архитектор сгрэб его, прижал к себе и ментально уволок. Через минуту появился и нас пригласили к столу. Это было весьма кстати, так как искусственное воздержание от еды в течение дня давало себя чувствовать со страшной силой.

Сели за стол. Огляделись. Собственно, оглядывать было нечего. На столе лежал крошечный с детскую ладошку голубоватый цыпленок, раскромсанный на маленькие четыре кусочка, причем кусочком должна была по идее считаться и малюсенькая лапка. На блюдечке красовались 5 консервированных огурчиков с пальчико-

вую батарейку. Нас было четверо, а огурцов пять. Чтобы в случае у кого-то неуемного аппетита, можно было полакомиться добавкой. Ну что же, все бывает на свете. И такое тоже. Другая страна, другие люди, другие традиции.

Перед отъездом в Аргентину, я спрашивала у тех, кто там бывал "что там, как?" Мне неизменно отвечали: там все другое. Этот ответ меня никак не устраивал. Но, приехав сюда, мы поняли, что это "другое". Но об этом позже. А пока – архитектор отвез нас в гостиницу, не пообещав никакого содействия с устройством на работу.

В гостинице, где мы жили 10-12 дней, был один русский, который жил там уже довольно давно. Неплохо кумекал по-испански, где-то выведывал адреса применения рабочей силы и продавал их. Стоило это 50 долларов. Он немало на этом зарабатывал. Из наших устроил несколько человек. Но...должности, надо сказать, были катастрофическими. И то были им рады. Говорили спасибо от чистого сердца.

Одного парня, кандидата технических наук, физика, он устроил подавать инст-

рументы рабочему слесарю. Язык сначала он знал плохо, тем более названия инструментов. Не понимал, чего хочет от него мастер и что тому от него надо.

Взамен получал русский отборный мат. Аргентинцы лопочут на испанском, а ругаются исключительно на русском. Видимо на русском все звучит выразительнее. Этот русский физик из Киева вскоре понял, что докторская диссертация его плакала, но денег на обратную дорогу у него не было.

Его жену гостиничный маклер устроил уборщицей, убирать трехэтажный дом за копеечную оплату. По специальности она была музыкальный режиссер, но с ними был ребенок. И его надо было кормить. Следует сказать, взрослые, попадая в эту страну, столкнувшись с навалившимися непроходимыми заботами, законами, вне которых оказывались приезжие, стремились уехать обратно. У немногих это получалось. Большинство оседали там, влача нищенское существование за счет черной работы. Но приехавшие дети воспринимали эту жизнь совершенно иначе. Если на Украине в школах царило полное безобразие, избиение подростков,

зие, избивание подростков, хулиганство – в школах Аргентины были совершенно другие порядки. В Буэнос-Айресе в школе директор, он же учитель географии, после уроков, прощаясь с учениками, целовал каждого ученика. На переменах давали бесплатно бутерброд и апельсин. Ученики общались друг с другом очень дружелюбно. При таком положении вещей дети были против обратного отъезда, дело доходило до истерики. И побеждали в противоборстве с родителями. Хотя травмы, полученные на Родине, зажили, но остались горькие воспоминания.

Представителем украинской диаспоры была пани Марта. Давно, еще в середине 30-х годов ее родители переехали в Буэнос-Айрес с Украины. Почему-то она и все эмигранты этой волны считали себя монархистами и всей душой люто ненавидели нас. За что, мы так и не поняли. Но обращаться к ним с просьбой о работе не имело смысла. А все с надеждой атаковали ее дом, суля взятку. Вопрос с устройством на работу стоял очень остро. Несмотря на то,

что у нас была рабочая виза, работой в этой стране для русских не пахло.

За каждого принятого на работу работодатель отчитывался перед ведомственными органами за прием иностранца. Своя безработица! Или иностранец умнее? Никому не приходило в голову иметь дело с органами. А в Аргентине еще в полной мере существует наследие прошлого.

Глава 7. Надя

Итак, мы еще в полете. Самолет набрал высоту. Я извлекла из укрытия нашу кошечку Рику, посадила ее к себе на колени. Она очень обрадовалась, вытянулась во всю длину, замурлыкала и переполненная чувством благодарности, задремала. Недалеко сидела Надя. Она родом из Беларуси, но с молодых лет жила в Буэнос-

Айресе. Надя заметила Рику, подошла, познакомилась с ней и с нами. Она оказалась большой любительницей животных. Дала нам номер своего телефона. Впоследствии мы встречались с ней почти ежедневно у нее дома.

Ее муж Карл был фабрикантом. Его фабрика производила краски, он был очень богат, даже не знал сколько у него денег – на счетах и наличными. Все знала Надя. Она всем распоряжалась. Карл был жутко толстый, он с трудом преодолевал расстояние в 7 шагов от машины до дверей дома. Как-то Надя сказала, что массаж Карлу делают молотком.

У Нади было четыре кошки. Одну, помню, звали Марину. И одна собака Долли. Она всех подобрала, вылечила и оставила у себя. Когда я одна или вместе с Олегом приходили к ней, Надя шла в ближайшее вкусное заведение, набирала разной всячины и мы пировали. Пили легкое вино, устраивали под музыку танцы. Иногда к ней заходил Освальдо. Его дом был рядом. Фактически Надя его воспитала, а его ро-

дители постоянно были в разъездах. Своих детей у нее не было.

Когда в аэропорту нас пропустили по одному слову Освальдо, мы пытались понять, кто же он такой. Ему не больше 26 лет. Хотелось с ним познакомиться. И вот

случай представился. Из дальнейшего общения мы поняли, он на секретной службе, что-то вроде нашего КГБ.

Когда позже мы присутствовали на праздновании 100-летия диаспоры "Украина-Аргентина", прибыло руководство Украины, кто-то из министерства и все местное руководство, Освальдо все время крутился возле них, что-то организовывая.

Обязательным нашим с Надей делом было кормление животных. Надя ежедневно с утра заготавливала для них еду в большом количестве. Она, я и соседка по улице несли в полных сумках огромное количество мяса – вырезки, печени, круп для птиц. В определенных местах кормили собак, а потом шли к кошкам. Там были целые колонии. Большие куски печени и мяса Надя швыряла в них так, словно хотела убить. Но так могло только показаться со стороны. А на самом деле она их нежно любила, бросала с силой, потому что боялась не докинуть. Какой-то парень пролетал на мотоцикле, увидел картину кормления и с чувством пожелал кошкам "сдохнуть". Надя в накладе не осталась и в ответ

пожелала ему "перевернуться" вместе с мотоциклом. Этот на удивление любезный диалог благополучно закончился, и мы повернули к дому.

Однажды у Нади мне довелось встретиться с настоящей латиноамериканской ведьмой.

Я находилась у Нади в гостях, когда в открытую настежь дверь проскользнула безобразная старуха и представилась Наде как ее давняя знакомая. Надя как будто ее вспомнила, но как-то смутно и неуверенно. Но тем не менее, по их обычаю, они расцеловались.

Я с утробным ужасом про себя отметила, что целуясь с Надей, это исчадие имеет прямые виды и на меня – со мной расцеловаться! Ну нет – сказала я себе твердо, - этому не бывать, живой не дамся!

Но старуха, закончив лобызания с Надей, решительно двинулась ко мне. Я резво отпрянула в сторону – любой ценой устоять, не дать прикоснуться ко мне из отвращения, да и просто из принципа! С какой стати? Это ваши обычаи, ну и целуйтесь, с кем попало. А я не хочу. Старуха была

весьма неприятной – злобное лицо с открытым двухзубным ртом.

Мне пришлось сделать даже предупреждающий жест рукой, ограждающий от чужого негативного прикосновения, иначе она вцепилась бы в меня.

Ведьма остановилась как вкопанная. Злые глаза заметали молнии. То, что называется лицом – это исказилось. Ее самоутверждению был нанесен ущерб. Она готова была меня испепелить. Но что такое – жалкая заморская ведьма, вообразившая, что может припечатать любого человека. Куда ей тягаться, противостоять божественной силе, с вселенским менталитетом.

Она исчезла также внезапно, как и появилась.

Как только мы сообщали Наде, что нам пора, она произносила магическое слово "ремис", Долли мигом вскакивала на стульчик около телефона и всем своим видом показывала нетерпение: "ну давай же, вызывай скорее!" Она ерзала, вертелась и подскакивала на стульчике, торопя Надю.

От вызова до приезда машины было не более пяти минут. Ремис находился где-то рядом.

Услышав звук подъезжающей машины, Долли кубарем сваливалась со стульчика и стремглав кидалась на место около водителя, не забывая панибратски облобызать его физиономию. Долли знали все водители ремисов. Она всегда сидела на почетном месте, т.е. которое раньше считалось почетным, возле водителя, а мы с Надей, как ее, Доллины, бедные родственники, попавшие в машину исключительно по ее нескazanной милости. Провожали они нас – Надя и Долли, без исключения, до самой двери нашего дома, где нас неутомимо ждала милая Рика.

Глава 8 Сергей.

С нами в самолете вместе с Надей летел Сергей Шешко. Уроженец Минска, он с 9 лет живет с родителями в Буэнос-Айресе. Он и его семья – мать Нина и отец Владимир занимаются торговлей. В Минске, куда ездил к родственникам, он познакомился с

девушкой Мариной и летел домой в расстроенных чувствах. Был влюблен и всю дорогу страдал: любит не любит. Приедет – не приедет.

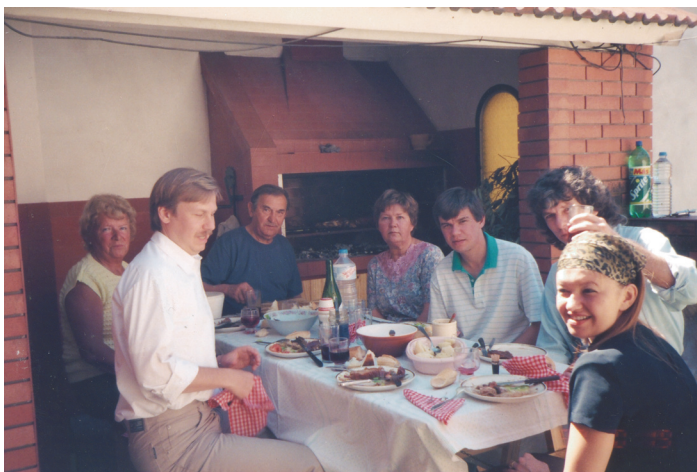
Забегая вперед, скажу: приехала. У Сергея был собственный грузовик, который они использовали для перевозки товара. Так вот, Сергей решил сэкономить на ремесе и отправился встречать невесту на этом грузовике. Позже Марина делилась со мной первым впечатлением от всего увиденного и о том, как грузовик привел ее в шоковое состояние.

Но все это было потом. К тому времени, когда ждали Марину и готовились к свадьбе, мы уже жили на квартире Сережиного дяди – Михаила, родного брата отца Сергея, Володи. Оба брата много лет не общались из-за какой-то размолвки. И их жены – Дора и Нина – соответственно. Они не враждовали, но в угоду мужьям не поддерживали отношений. О Михаиле следует сказать особое слово. Это – феномен в своем роде. Родился на Украине, с детства жил в Уругвае, потом в Буэнос-Айресе. Затем в 20-летнем возрасте приехал в Москву, научился говорить по-русски, устроился таксистом, проработав на этом поприще 10 лет, вернулся в Аргентину и уже здесь осел, пустил корни. Когда мы с ним познакомились, он говорил по-русски без малейшего акцента. И его жена Дора тоже изумительно чисто говорила по-русски. Они даже смеялись над дочерью Алисией которая, задавая вопрос, спрашивала: "как вы доживаете?", не понимая разницы начала слова "до" и "по".

Мы снимали у них второй этаж дома. У нас была огромная веранда с лимонным

деревом, ливинг и две спальни. В ливинге мы занимались переводами с ипанского и английского. Спальня - одна принадлежала Олегу, другая – нам с Рикой. Ночью с веранды было удобно изучать южное небо. Где-то безумно далеко, в перевернутом для нас состоянии осталась родина, родственники, дочь Олега – Настенька, друзья. Всегда было грустно до боли смотреть на чужие мерцающие темные своды.

Когда мы появились у Доры с Михаилом, у них началась непревычная для них новая жизнь. К ним стали приезжать родственники и друзья, с которыми они не встречались более 10 лет. Первыми нанес-

ли нам визит Сергей с мамой Ниной. Этот приезд был сделан в нашу честь. Мы провели вместе весь вечер, ездили на машине в огромный супермаркет за покупками. Знакомство состоялось. Нас с Олегом пригласили на свадьбу, от Марины уже была получена телеграмма, Сережа с нетерпением ждал невесту. Нина попросила меня помочь с выбором платья для нее. Я охотно согласилась. Оформление одежды всегда было для меня удовольствием. Все было прекрасно. Но это только так казалось. Не тут-то было!

Глава 9. Анатолий

До этих событий Дора много нам рассказывала о киевлянах, живших до нас в этой квартире. У Анатолия была жена Лена, приемный сын – мальчик 8 лет, собака Чао-чао и попугай Кеша, большой разговаривающий попугай, привезенный Анатолием из дальних стран в то время, когда он плывал моряком на торговом судне. Собаку тоже в тех краях он на что-то выменял.

В то время прошел год со дня отъезда на жительство в курортный город Mar del Plata, в 400 км от Буэнос-Айреса к югу. Там он где-то зацепился на временную работу по каким-то системам, связанным с канальным телевидением.

Появились они у Доры на другое утро после Нины. Им нужно было хлопотать насчет продления срока вида на жительство. Иначе – выгонят с работы. Но, забегая вперед, как я это всегда делаю, скажу, что с работы его все-таки выгнали, потому что вида на жительство не получишь, если нет постоянной работы.

Но тогда он еще надеялся и поэтому приехал к Доре, просить помощи у ее сестры Марии, которая училась на юриста и имела некоторые связи. А в Аргентине все держится исключительно на знакомствах и взятках.

Вечером, в день приезда, Анатолия угрозило выпить с Михаилом и поссориться. Войдя к ним с квитанцией, я услышала, как Михаил грубо отзывается о приезжих, и приняла это и на свой счет. Мне не понравился такой поворот дела и я не стала это

скрывать. Отношения стали холодными. А на свадьбу мы должны были ехать в Мишкиной машине.

Свадебный подарок был куплен, но, видимо, Дора позвонила Сергею и сообщила о том, что отношения испорчены. От Сергея вестей не было и нам только оставалось принять это к сведению и забыть про всякую свадьбу.

На самом деле положение наше было двусмысленным. Нас пригласили сначала участвовать не только в праздновании, но и в организации, подготовке невесты. Было неприятно, нам как будто бы дали отбой.

Надо сказать, что в чужой стране чувствуешь себя особенно уязвимым, незащищенным. Но мы были вдвоем, сказали себе: ладно, обойдемся без вас.

Накануне свадьбы у Доры разразился скандал с ее сестрой Марией. Дора была старше сестры на 10 лет, но сильно от нее зависела. Подруга Марии Мабель, о которой я еще расскажу, была влюблена в моего сына и ловила момент, когда можно было с ним встретиться. С Мабель познакомилась Мария и не могла допустить, что-

бы Олега не было на свадьбе. Ведь туда безумно рвалась Мабель. Мария и Сергей родственники. Ее присутствие было на свадьбе обязательным. А куда же она без Мабель?

Так вот, накануне свадьбы, звонит Мария Олегу и спрашивает, точно ли он придет. Олег ответил отрицательно. Тогда Мария переключилась на Дору и устроила ей грандиозный скандал с угрозой, в случае, если Олега не будет, она не поможет им с Мишкой в получении большой пенсии.

Нам был слышен весь разговор. Дора кричала: да, да! Конечно! Олег придет! Тут же прибежала к нам уговаривать нас ехать с ними. Но нам этого было недостаточно. После охлаждения отношения с дядюшкой Сергей ни разу не звонил и не приглашал. Для Марии наш ответ был большим ударом. Она даже пообещала Доре расторжением всяких родственных отношений. Страсти накалялись с той и другой стороны. Мы хоть и чувствовали себя оплеванными со стороны свадебных фигурантов, но держались достойно. Битва из-за нас

внизу разгоралась все сильнее. Что называется, – расхватали – не берут.

Глава 10. А дальше – больше.

Примерно через неделю я решила позвонить Сергею по делу. Свадьба их прошла, вопрос был закрыт, а Олегу надо было устраиваться на работу. Для этого необходим был документ под названием *curriculum*, т.е. по нашему – резюме. А Сергей еще раньше, когда был у нас, предлагал набрать на компьютере, у него была заготовка. И вот я (Олег не хотел звонить, доверил мне) звоню ему и прошу сделать распечатку формы.

Я была приятно удивлена, что Сергей ответил мне с радостью, что он ждет нас с Олегом, чтобы все сделать. Продиктовал адрес, назначил время.

Звоню Наде. Взволнованным голосом она спросила: - "ты знаешь, что с Сергеем случилось?" Я ответила: "Нет, а что? Женился, что еще?"

- "Во время венчания он упал в церкви! Срочно приходи ко мне. Ты нужна".

Я пошла к ней пешком. Недалеко. Надин рассказ меня изумил. Молодой здоровый 35-летний мужчина во время венчания в церкви вдруг упал. Успел подхватить его Освальдо, который стоял ближе всех к Сергею. Церковь была двухэтажная. Снесли его на первый этаж, ему немного полегчало, решили закончить церемонию, но он опять упал. Привели в чувство, посадили в машину и отвезли домой. Позже Марина рассказывала мне, что дома Сергей был очень подавлен, но врача не вызывали, сердце работало нормально, и он никогда ничем не страдал. Но Марину очень перепугали белые розы. Их было всего 4. Она не знала обычаев этой страны, но, как потом оказалось, там дарят живым четное количество цветов. А когда она впервые увидела четыре цветка и с Сергеем творится что-то неладное, она сама едва не свалилась.

Надя рассказала мне, что происходило на свадебном вечере. Весь вечер говорили только о нас. Мы не сходили ни с чьих уст. Мабель беспокойно вскакивала от каждого стука или звонка. Ждала Олега.

Глава 11. Нина

Едва Надя ввела меня в курс дела, что там произошло, сразу села к телефону и позвонила Нине, сказав два слова: Катя пришла. На каком сверхзвуковом ремесе примчалась Нина, живут они в противоположной части города, я не знаю, но появилась она так быстро, что я остолбенела. Она тихо поздоровалась, не говоря ни единого слова, подошла к столу, села и наклонила голову. Мы все молчали. Молчала и Нина. Наконец, она сказала: "Катя, с Сергеем плохо. Ничего не болит, но он не ест и не пьет. Рядом любимая, долгожданная женщина, а он гаснет".

Я была поражена, что эта материнская боль выкладывается мне, постороннему человеку, да еще без всяких объяснений, почему именно мне, с непоколебимой уверенностью, что я смогу все поставить на место! Так, кажется, ясно. Они все разобрали на составляющие, все обсудили и решили за меня. Обиду, которую нанесли нам с Олегом, они прочувствовали, когда она вот так на них отразилась. Должна ска-

зять, для меня это было абсолютно неожиданно. У меня даже осадка неприятного не осталось, все давно было забыто. И вот, пожалуйста. Какая-то глобальная информационная система, все поступки наши и мысли впитывает в себя и выдает нам свои решения. В моей голове мигом возникла мысль: если ко мне обращаются, надо спасать. Я сказала: "хорошо, садитесь сюда!" – и ощутила в себе нечеловеческую энергию. Она села на стул, на который я показала, ко мне спиной, сняла блузку. Я руками направила на нее свою энергетику, легко погладила затылок, шею, едва касаясь плечей. Сеанс длился не более пяти минут. Потом сказала: "Все, все будет хорошо!" Нина быстро встала, нет, вскочила с просветлевшим лицом и моментально убежала, наверное, чтобы не растерять полученное. Через минуту загудел мотор. Она уехала.

На другой день, как и договорились с Сергеем, мы на ремесе поехали с Олегом за документами. Боже мой! Вот уже чего мы никак не ожидали! Вошли. Нас встречали, как дорогих, долгожданных гостей. Все радостно улыбались. Никакого недоумения у

Сергея не было и в помине. Как только что заново родился. Стол был накрыт как на самой пышной свадьбе. На белоснежной роскошной скатерти сверкал дорогой хрусталь. Разные вина, блюда, закуски. Я пораженная, только спросила: что это? Сергей ответил "Это свадьба, для Вас с Олегом персональная!"

Сели за стол. Предназначенные им подарки мы с собой взяли, чтобы вручить молодым, просто воспользовавшись случаем встречи, хоть и деловой. Но пришлось очень кстати. Поздравили молодых. Выпили шампанского. Справа от меня сидела Нина. Она мне тихо сказала: "После нашей встречи, с Сергея все снялось. У нас теперь все прекрасно."

Отпраздновали свадьбу, проработали резюме и мы отправились на ремисе на свою Альсину.

Подходя к двери дома мы увидели беленький силуэт нашей дорогой кошечки Рики, ждавшей нас на стульчике на веранде. Она без нас никогда не ложилась спать.

Глава 12. Белая кошка.

Пока Мишкина квартира на Альсине была занята, мы из гостиницы перебрались в помещение для магазина, принадлежащее тоже ему. Помещение было огромное, пустое, перегороженное на несколько секций. Там мы решили перекантоваться пару недель. Все-таки не так казенно, как в гостинице. В первый же день приезда, это было, по-моему, 31 августа 1997 года, мы поехали на Мишиной машине в супермаркет, купили разную утварь, включая одеяла, подушки и телевизор. Все это, на Украине у нас было в достатке, но чтобы не тащить с собой через моря и океаны, все подарили. За год нам пришлось пожить в трех странах, и в каждой стране надо было приобретать все заново. Как только мы из супермаркета вернулись в свой "магазин", включили новый телевизор, из него забурился шквал сообщений о трагической смерти принцессы Дианы. Там 180 каналов. Но все слились в один. Весь мир был потрясен и мы тоже.

В настоящий момент нам казалось, что мы находимся где-то отдельно от всего мира. Нет работы, нет жилья, а деньги любые быстро кончаются, если нет прихода. Нас беспокоила неустроенность, прошло уже три недели со времени нашего прибытия в страну, и глядя на то, с каким невероятным трудом здесь пробивались приезжие, весело не становилось.

Мой прекрасный муж Юрий, отец Олега был человеком талантливым, разумным и ответственным. Он ни за что в жизни ни сам, ни нам бы не позволил ринуться в неизвестную страну, отрубая все концы напропалую.

Но мы с сыном - невозможные, неистребимые авантюристы. Когда Украина отделилась от нашей родины – России, (я родилась в Ленинграде), началась вакханалия с украинизацией, для нас было невозможным там оставаться. Чтобы заработать денег, мы решили на год зацепиться в Аргентине. Хотя сейчас я не об этом. Вернемся к нашему жилью.

С другой стороны нашего дома жили тоже наши, с Украины. Дворик был общий, по

вечерам мы собирались, слушали музыку, разговаривали и не чувствовали себя одиноко. Соседей было человек пять. Одна из них ждала с Украины свою мать и сестер. Мать иногда звонила ей по телефону, неизменно задавая один и тот же вопрос: "Скажи, Лена, с тебя там не здаются?" Этот разговор подслушала Дора по спаренному телефону. Ленка всем сказала, что ее мама юрист. Дора вклинилась в разговор и сообщила "маме-юристу", что: нет, не здаются! Через месяц родственники приехали. Привезли семь кошек и двух собак.

Еще до их приезда мы заметили белую кошку. Она приходила откуда-то с крыши, заинтересовано наблюдала за нами, а особенно за Рикой. Получив необходимую информацию, Белая кошка, как-то раз спрыгнула с крыши, желая познакомиться и продемонстрировать свое желание подружиться, спокойно подошла к мирно сидевшей у своей двери Рике. Но подошла она не просто. Голова ее была отвернута в сторону на 90 градусов, на Рику она не смотрела, шла к ней, беззащитно подставив

шейку. В такой позе она остановилась перед Рикой и как бы ждала приговора!

А наша Рика, неискушенная в кошачьих ритуалах, вместо того, чтобы тоже подставить шею и показать этим свое дружелюбие, мимоходом глянула на Белую кошку, развернулась и молча проследовала в свою открытую дверь! Поистине, кошки ее совсем не интересовали! Возмущению Белой кошки не было предела. Она моментально изменила положение тела, вздыбилась и со всех лап кинулась за Рикой с целью догнать ее и наказать за оскорбление. Рика спряталась, а мне пришлось войти следом и спровадить агрессивную гостью. Рика отказалась знакомиться самым бесцеремонным образом. Я вполне сочувствовала Белой кошке, но Рикино право выбирать друзей тоже нельзя было ущемлять! Казалось, кошачий инцидент был закончен. Но как бы не так! С этого дня Белая кошка неотступно преследовала Рику. Она постоянно врывается в нашу обитель, шарит там в поисках своего врага. На помощь своевременно приходила я. А один раз Белая кошка молниеносно спрыгнула с кры-

ши, вцепилась в Рику и они в жестокой схватке покатались по земле. Я была в двух шагах от них, моментально подскочила и разняла их.

Надо же было так случиться, чтобы моей Рикочке было суждено перелететь через моря и океаны, страны и континенты, чтобы иметь удовольствие подраться с Белой кошкой.

Через несколько дней, к счастью, мы перебрались в дом Михаила и Доры и началась другая жизнь, полная ярких впечатлений.

Глава 13. Ураган.

Как-то раз отправилась я перед вечером купить еды моей кошечке. Ничего необычного погода не предвещала. Только как-то уж очень быстро стало темнеть небо. Я успела метров на 200 отойти от дома, возвращаться не хотелось. Ускорила шаги, побежала. И внезапно, без предисловий и предупреждений первыми, застенчивыми каплями дождя, хлынул ливень с такой силой, что казалось, обрушилось небо, гром загремел с такой неумной силой, что я в

ужасе присела, прикрыв руками голову, а потом побежала искать укрытие.

Заскочила в открытую дверь магазинчика, поднялась на три ступеньки. Больше не было. По этой улице располагались одни магазины и все были на первых этажах. В считанные секунды ливень заполнил водой все первые этажи. Улица стала естественным руслом, вода текла вдоль нее, заполняя собою все, что было ниже ее уровня. Я стояла по колено в воде.

Но вихрь гудел. Ящики, коробки, разные предметы, захваченные стихией – все несло вдоль улицы, гонимые ураганом, с бешеной быстротой.

Все это крутилось, швырялось в кого попало, только успевай увернуться. Сотрясеньем мозга, подумала я, тут не отделаться. Предметы летели прямиком в меня и находившегося здесь продавца. Рокировка была невозможна, так как крошечное помещение магазинчика-тамбура не давало возможности куда-нибудь спрятаться подальше.

Этот южно-американский кошмар под названием смерч кончился так же внезапно, как и начался. Но потом передали по теле-

визору, что в это время в Уругвае погиб самолет.

Не менее получаса длилось это бесчинство, пока разбушевавшаяся стихия сменила гнев на милость. Я выжала низ платья, добрела до зоомаркета, купила, что надо моей Киске и отправилась домой как мокрая курица. Теперь мне хорошо известно, что такое латиноамериканский шквальный ураган не понаслышке.

Глава 14. Менем

Однажды утром Дора вбежала ко мне в комнату и громко крикнула: "Катя, бежим скорее, через час сюда прибывает Менем!"

Я знала, что Менем – президент Аргентины, но не могла понять, что ему делать на нашей Альсине! Оказалось, было что! О его прибытии сообщил живший на нашей улице помощник депутата. Скорее всего ему было поручено собрать побольше народа. И все жители улицы, оповещенные им бежали в одну сторону – к спортивному полю.

Дело в том, что на нашей улице находилась фабрика по производству холодильников. В период экономического спада она долго не работала, вся была разворована. Но она для страны была нужна. И Менем взял шефство над ней, полностью заново ее оборудовал и год тому назад она заработала. На годовщину он решил прибыть лично, чтобы отметить такое важное событие, поздравить работников и сказать торжественную речь.

Его прибытия ждали на вертолете с посадкой на спортивное поле.

Наша улица Альсина имела одностороннюю застройку. Другая сторона уходила в посадку, а дальше – спортивное поле. Мы с Дорой бежали, чтобы попасть в первые ряды. Я не люблю первых рядов и тем более, толпы. Но хотелось близко увидеть известного человека, когда еще придется, это ведь просто случайность, что мы поселились на этой улице. Да и Дора тащила меня за руку, как на аркане тощую корову.

Прибежали, встали в первые ряды. Ждем. Сзади нас стали накатываться тучи людей. Пришли барабанщики, человек 8-

10. окончательно закрыли собой всякое отступление. Волнение всех, в частности мое, нарастало с каждой минутой. Разумеется, не из-за встречи с Президентом, а я не знала, как смогу в непосредственной близости перенести барабанный бой, да еще и в замкнутом пространстве. Впереди закрыто трибунами, выхода нет. Что называется, ни взад, ни вперед. С тоской подумала: какой Олег умница, что не поплелся с нами на мучение. Лучше бы я издалека наблюдала за торжественной процедурой.

Но дело было сделано. Я стояла и обречённо ждала, что будет дальше. А дальше было вот что.

Момент приземления нам не был виден из-за корпуса фабричного здания и плотно стоящей толпы. Но мы слышали тарахтение вертолета, а потом со стороны трибуны появился невысокий элегантный интересный мужчина лет 46-ти.

Он легко вспорхнул на трибуну в сопровождении своей команды, поднял руку, поздоровался и стал говорить приветственную речь.

Едва он закончил, грохот барабанов поверг меня в ужас. Я закрыла руками мои бедные уши и у меня была только одна мысль в голове: как бы куда-нибудь уползти? Безжалостные барабаны не умолкали. П-образное пространство, впереди – трибуна, по бокам – корпуса фабрики, а посередине – я, все превратилось в смешанный грохот. Спасения не было. Какая-то женщина в первом ряду от полноты чувств, сунула Менему грудного ребенка подержать. Ребенок громко заорал вместе с барабанами, но мать не забирала ребенка, смотрела на Менема восхищенным глазами, она, наверное, думала, что этот трюк с ребенком не обойдется без хорошей премии. Наконец, бедный Менем (еще беднее, чем я), не зная, куда деться от оравшего во всю мощь ребенка, посуровел и стал настойчиво протягивать ребенка разгулявшейся матери. Он уже боялся, что ребенка вообще припишут ему.

От отчаяния, что не могу выбраться, я стала кругом шарить глазами и увидела на стене в нескольких шагах, что-то напоминающее дверь. Со словами, обращенными к

Доре: "больше не могу" я наклонилась и стала пробираться сквозь плотную толпу, приговаривая: "por favor" Героически, попластунски еле доползла до стены. Дверь оказалась закрытой, тогда я начала по стене пятиться назад, наступая всем на ноги. Поравнявшись с крайним барабанщиком, не понявшим моего маневра, я уносила ноги, чуть не получив вместо барабана палкой по спине. Так бесславно закончилась первая и последняя встреча с Президентом страны Аргентина.

Глава 15. Прогулка с Мабель

Сестра нашей квартирной хозяйки Мария познакомила нас со своей подругой Мабель Тарантино. Отец ее был испанцем, мать итальянкой. Из разговора выяснилось, что Квентин Тарантино, известный Голливудский режиссер – ее родственник. Родная ее сестра была певица, пела в Буэнос-Айресе в театре Colon.

У ее матери был огромный дом с бассейном в районе Пасо. А Мабель имела собственную квартиру в самом красивом (после

Палермо) районе – Риколетто. Она преподавала английский язык в частной школе.

Однажды, в ясный солнечный день Мабель пригласила нас на прогулку по Буэнос-Айресу. Если бы у меня был выбор, я бы предпочла остаться дома с моей любимой кошечкой и занялась бы своим переводом с английского и испанского, которым надо сказать, я здорово увлекалась. Для меня и сейчас нет более интересного занятия, чем переводы. Это такой творческий процесс, от которого я улетаю в поднебесье!

В первый день своего приезда мы купили огромный двухтомный словарь за 150 долларов. Словарь был настолько подробный, что переводить было одно удовольствие. Это были не те примитивные словари, по которым мы в институтские годы сдавали "знаки". Там у меня была вольная трактовка из-за нехватки переводимых слов. Помогала фантазия. Имея значение одного слова, я нанизывала целое предложение и даже абзац, чем приводила в смятение преподавателя. Когда проникновенно перевести Шиллера, он изумлялся и спрашивал:

"ну, скажите, где вы здесь увидели морские брызги? -Как где? Здесь"

И вот, наконец, я "дорвалась" до настоящих словарей, изданных в Испании. В Аргентине ничего своего нет, кроме виноградуков, мяса, вина и Матэ. Все – американское, испанское, французское. Немецкого мы ничего не видели, кроме самих немцев. Бывшие военные немцы и их дети на 40% населяют Аргентину. А есть и такие, которые хвастаются военной "реликвией" – перчатками из человеческой кожи. Военные преступники не перевелись там до сих пор.

Но вернемся к ясному солнечному дню. Мабель была католичкой, а у католиков – строгие правила – нельзя оставаться наедине с мужчиной, если они не женаты. Этим утром Мабель повела нас в католическую церковь. Раньше мне приходилось бывать в церкви с органом – в Румынии в церкви Капре-Неагре целых четыре тысячи труб в органе. Была еще в Домском соборе в Риге. Но здесь в Буэнос-Айресе меня поразила торжественность обстановки. Очень тихо. Очень высокие своды. Откуда-то

сверху льется классическая музыка из органа. Рядами скамьи. Можно присесть, если хочешь, можно встать на скамью на колени. На простенках изображения святых. На окнах – витражи. Вся обстановка устроена уважительно к каждой особи. Здесь понятие о вечности витает в воздухе. О вечном думается легко.

Боковым входом церковь соединена с кладбищем. Его размеры настолько велики и запутанны, что без провожатого заблудишься. Хоронят там не в землю, а в склепы. Склепы самой разнообразной форм, в виде памятников, изображений людей, домиков. А кошек! Целые колонии. За ними закреплены определенные люди, которые за ними ухаживают. К слову сказать, в Аргентине очень любят животных. Как-то мы забрели в русскую православную церковь, она находится в парке. Этот парк – настоящий зоопарк котов. Они свободно гуляют рядом с собаками, их никто и не попыляется трогать. Коты очень упитанные, всех мастей и пород, сидят на ветках деревьев, как елочные разноцветные игрушки. Под деревьями в мисках лежит свежее

мясо и налито молоко. Настоящие вольеры. У меня за них порадовалось сердце.

А собачки все элегантно одеты. Не просто что-то натянуто на собачкино тельце, а она облачена в красивую, со вкусом сшитую одежду. Под пальтишком виднеется нижняя рубашечка с рюшечками. Магазины забиты вещами для животных на самый привередливый вкус. Но это все к слову, а мы двигаемся по кладбищу в поисках могилы Эвиты Перон.

Глава 16. Эвита

Проводил нас маленький черный уругваец. Мы долго петляли, натыкаясь везде на колонию непуганых кошек. Они, подняв хвосты, заглядывали нам в глаза, жались к склепам, и видимо, ждали обеда. Наступило обеденное время. Наконец, мы увидели толпу людей, подошли. Это и была могила Эвиты. Живые цветы там постоянно. Люди любят ее и помнят ее добрые дела. Она "ворвалась" в жизнь Перона стремительно и неожиданно. Когда она в театре подошла к нему, не будучи с ним знакома, села ря-

дом с ним, он сказал: "это место занято!" Она ответила: "Да, мною". И все, его судьба была решена.

Она была удивительной женщиной. Красива и умна, хороший психолог, она несла в себе заряд такой силы и стойкого мужества, что покоряла всех, кто с ней соприкасался. Она много работала и как политик и как преобразователь общества.

Дня ей не хватало. Работала ночью. Помогала людям, одержимая страстью творить справедливость. К ней на прием днем и ночью приходили люди с разными проблемами, в том числе о жилье. И если, придя к ней, человеку негде было жить, от нее он уходил уже имея собственный дом. У нее, у Эвиты, на учете "под рукой" были все данные о большинстве жителей, что касалось жилья. Были точные сведения, кто чем владеет, каким количеством недвижимости. Здесь же вершился отъем, у кого много жилья. Из семи домов оставались шесть. Секретари извещали владельца об изъятии дома. Вот так, легко и просто. Социализм во всей его красе.

Отец Ливии, подруги хозяйки, таким образом получил дом. Пришел ночью к ней на прием и получил дом в собственное пожизненное пользование. Уже много десятков лет там живут его дети. Эвита сорвала свое здоровье, а люди навсегда остались ей благодарны. Она умела работать без усталости. Помогать людям было ее призванием.

Глава 17. Прогулка продолжается

Мы находились в районе Палермо. После похода в церковь, на кладбище мы изрядно проголодались и Мабель пригласила нас в уютный ресторан. Фасад здания был увит зеленью, скамьи перед входом были, как здесь водится, заняты котами неопикуемой красоты и вальяжности. Они явно чувствовали свое превосходство перед всеми двуногими и только из милости терпели наше присутствие. Они были по-настоящему дома. Коты здесь присутствуют даже в витринах магазинов. А один раз я сфотографировала кота на подносе с печеньем.

Итак, мы обедаем в ресторане. Мабель угощает. У нее карточка. Выбрали еду. Мабель спросила у Олега, любит ли он водку. Ведь все русские ее любят! Олег ответил, что любви к водке не испытывает. Может немного выпить, если надо. Вяли сухого белого вина. К рыбе. Обед прошел приятно. К тому же я получила комплимент: Мабель сообщила мне, что я – леди.

Мне было удивительно, как мы общаемся. На каком языке? Испанский, английский? Но это просто какое-то чудо. Откуда это взялось? Олег по-английски говорит совершенно свободно. Дома ему общаться было не с кем, а язык он знал. Давно еще, со времен поступления в ленинградский университет на восточное отделение, занимался с преподавателем, а потом - сам. А здесь, в Аргентине заговорил по-настоящему. Я же хорошо знала испанскую грамматику, даже экзамен сдала на отлично. Но сначала разговаривала так, что не хохотал только очень воспитанный, сдержанный человек.

В первый же день приезда мы с Олегом пошли в полицию сообщить о своем

прибытии. По дороге встретили приезжего испанца. Он жил в Мадриде, но часто приезжал сюда по делам и город знал прилично. Мы спросили у него, как попасть на нужную улицу. Шли и разговаривали. Испанец не говорил по-английски, а мы по-испански с трудом, коверкая слова и понятия. Он спрашивал нас о многом. Мы объяснили, что живем в трехэтажном отеле, приехали вчера, нас встретили знакомые, у нас есть кошка. Когда мы вернулись в отель, обратились к словарю, покатались со смеху. Мы вlepили слово "компра", что значит "продать" и получилось, что мы вчера приехали продать собственный трехэтажный отель.

Так вот, я хочу сказать, что ко времени прогулки с Мабель, мы говорили по-испански вполне сносно и по-русски не говорили, ни слова, потому что Мабель не понимала.

В завершение нашей прогулки Мабель пригласила нас к себе домой в Риколетто. У нее мы пили кофе и делились впечатлениями. Потом Мабель проводила нас на ремисе домой и мы со скоростью света

помчались на свою Альсину к нашей дорогой кошечке Рике.

Следующая наша прогулка состоялась в гостиницу Alvear, где обычно останавливалась Мадонна. Дедушка Мабель долгие годы был менеджером этой гостиницы. Мы ходили по ней, как по музею. Там было несколько больших магазинов и разных салонов. Ресторанный зал – огромный круглой формы с очень высокими зеркальными сводами, украшенными цветами, зеленью.

Дамская комната – вся в зеркалах, в розовых бархатных диванах. Белые розы – везде – на стенах, подставках, на полу, на потолке. Вся гостиница излучала призывное величие. И оно как бы поселяется в тебе всерьез и надолго.

В ресторане мы выбрали уютный столик, со вкусом пообедали и пошли в зоопарк, посмотреть на розовых пеликанов. Когда они раскрывают крылья, внутри оказывается черная широкая кайма, оттеняя, окантовывая нежную розовость крыльев. Это было изумительное, завораживающее зрелище, когда одновременно десяток пеликанов раскрыли крылья, а размах состав-

ляет более двух метров. И замахали ими, что-то требуя и на что-то негодуя. Еще интересным, невиданным экспонатом был совершенно белый тигр-альбинос.

Вечером пошли домой на Альсину. На этот раз Мабель пошла в гости к нам.

Глава 18. Флорида.

Первые шаги по Флориде – и ты уже в потоке искраметного начала и людских страстей. Шикарные фасады многоэтажных офисов, банков, магазинов, сверкающих витрин, шумные толпы прохожих, туристов – все это обрушивается на тебя, захватыва-

ет непрошеной волной и поглощает. В магазинах товары со всего мира. В Аргентине ничего своего, кроме того, о чем я писала выше. Товары – американские, французские, итальянские, китайские. Немецкого почти ничего нет, кроме немцев, голубоглазых, белокурых атлетов. Флорида – своеобразный Арбат, прогулочное авеню, но только с южной спецификой.

Удивительная вещь – земной шарик! Несмотря на его круглость, нигде не чувствуешь себя вниз головой. Но зато остро чувствуешь себя пришельцем с другой планеты.

Мы с Олегом осторожно пробирались сквозь чащобу людей. Европейцев узнавали сразу. К нам подошел один мужчина. Представился. Я уже не помню, из какой он страны, но горячо жаловался на порядки получения вида на жительство. Два года хлопот, проволочек и никакого результата. Мы посочувствовали ему и двинулись дальше. Должна сказать, что смена магнитных полюсов подействовала на меня довольно спокойно, на других приезжих с северного полушария – более заметно. А я

всего два раза хлопнулась в легкий обморок. Легкий – потому что я все осознавала и ощущала себя. А на Олега вообще не было заметного действия. Как будто бы и не менял полюса. Зашли в магазин. Сделали покупки. Надо же отметить посещение шикарных флоридных салонов, купили мне ажурную крупной ручной вязки белую кофточку с розами. Олегу купили светлые джинсы и коричневую кожаную курточку. И еще – самое главное – двухтомный огромный русско-испанский словарь за 150 долларов Мадридского издания.

На Флориде продавалась "хохлома". Позже мы познакомились с хозяйкой салона и поставщицей "хохломы", она оказалась снохой нашей квартирной хозяйки Доры. И узнали правду появления хохломы. Она приносила огромную прибыль, ее раскупали приезжие и местные, принимая за чистую монету.

Сноха Доры приютила странствующего художника с маленькой дочерью в своем пустующем загородном доме. В качестве оплаты за жилье он взялся разрисовывать изделия под хохлому.

Муж у нее был дипломат, но это не мешало ей приумножить богатство коммерческим путем.

Шагаем дальше. Стоп. Вот офис, указанный в газете с объявлением о фирме, помогающей с устройством на работу. Я уже говорила, что по специальности я – инженер, здесь устроиться невозможно. Мало того, что возрастной ценз до 28 лет, так еще надо говорить по-английски и по-испански без акцента. Поэтому все ищут частные организации, но достается только черная работа.

В фирме мы получили адрес работодателя по уходу за больным, сеньором Люисом. Заплатили 50 долларов. Объект мог оказаться совершенно неприемлемым, как и оказалось, но деньги не возвращались. Обычный лохотрон.

Координаты клиента, нуждающегося в уходе, я взяла. Дойдя до конца Флориды, повернули обратно, и вскоре вышли на широченную Авениду, составленную из нескольких параллельных улиц. И здесь мы увидели несколько собак, которых парень вел всех на одном поводке. Видимо, выгу-

ливал по заказу. В Буэнос-Айресе есть такая должность.

Среди собак была одна, от нее невозможно было оторвать взор. Ярко голубые глаза красовались на изумительно расписанной мордочке. От лба к носу шла белая широкая полоса, с двух сторон окаймленная темным кантом. Но приковал к себе взгляд холодных глаз, он смотрел поверх тебя, куда-то вдаль, на север, на родину. Как ты ни извивайся перед этой собакой, она тебя не видит. У нее свой внутренний мир, свои устремления. И ты понимаешь, перед тобой личность. Позже в Аргентине я встречала таких собак и каждый раз с восторгом любовалась.

А однажды сидела на лавочке в сквере. Рядом сидела молодая пара с двумя такими собаками. Они, все четверо, ели мороженое из одной чашки одной ложечкой, по очереди поднося ложку с мороженым каждому. Причем, собаки терпеливо ждали своей очереди, становясь на скамейку передними лапами и только их горящие глаза говорили о том, какое вкусное мороженое! Но вернемся к поиску работы.

К сеньору Люису я отправилась вместе с Дорой. Она сама предложила сопровождать меня в этом походе. Ей приказал Михаил. Он сказал: "Иди с Катей, одну не отпускай, мало ли что?" я не понимала, зачем она мне нужна, испанским к тому времени я уже неплохо владела. Только позже я оценила Мишину заботу! Взяли с Дорой ремис. Даже водитель еле нашел эту улицу и дом.

Люиса дома не было. Подождали минут 20 около дома и он появился. Я думала, что это будет какой-нибудь засушенный старикашка. Но оказался он огромным детинкой лет 30, на инвалидной коляске. Впустил нас в дом. С ним был сопровождающий – высокий мужчина лет 35. это был не дом, а настоящая крепость с железобетонным ограждением, высотой метра три. И никого! Нам стало не по себе. Отказаться от работы я решила сразу. Но уйти моментально было нельзя и Дора стала расспрашивать Люиса (для вида) о работе и оплате. А я молчала и мысленно благодарила Мишку, что не пустил меня одну в это непонятное логово. Люис был огромный со

страшными черными глазами, которые останавливались на мне с жутким пожирающим выражением. А я, несмотря на свой пятидесятилетний возраст совсем не тянула на него. Миниатюрная комплекция, легкий белый прикид и стройная походка на высокой шпильке не давали возможности усомниться в моей молодости.

Странная обстановка была в жилье сеньора Люиса. Мебели не было, кроме какой-то лежанки. И кругом – серые бетонные стены. А жить предлагалось там и мне. Не приходящей, а постоянно проживающей. У меня была одна главная мысль – как бы поскорее унести отсюда ноги. Тем временем Дора для порядка торговалась насчет оплаты. Люис предлагал 400 долларов в месяц, а она требовала 500. сказала, что подумаем. И радостно, со всех ног мы покинули страшные пенаты. Люис проводил нас кровожадным взглядом. Вышли на улицу. Я вздохнула с облегчением. На этом мои поиски работы по объявлениям в газете Буэнос-Айреса закончились.

Часть вторая

Mar del Plata.

"Ароматный звук, как дымок сигареты

Из динамика вьется и трется о

сердце-

Аргентинское танго солнцем согрето,

Аргентина прозрачная, где же ты? Где ты?

/О.Дьяконов/

Глава 1. Отъезд.

От Михаила мы уехали 1 ноября 1997 года. Отбыли с твердым намерением никогда больше не возвращаться, даже в гости, и не писать писем. Жило недовольство ими, потому и уехали. Была противна их тупая жадность и стяжательство. Олег воз-

мушался, как они оплату за электричество всего дома "повесили" на нас. И было многое другое, о чем я даже вспоминать не хочу. И делали они неблаговидные поступки не со зла, а просто не понимали, как можно поступать иначе. У них было полно постояльцев в разных местах принадлежащего им жилья, и каждый платил по 300 долларов в месяц.

А мы же были безработные! И, несмотря на это, Михаил мог легко воспользоваться нашей интеллигентностью и поставить в тупик своей алчностью. К тому же, он держал мебельный магазин и имел хороший доход. Это был его характер, правило жизни – невежество примитивной психики. Но... случилось для них непредвиденное и небывалое. Они здорово к нам привязались. Для них самих это было неожиданным явлением. И с особой остротой это обнаружилось после нашего отъезда. Они хоть и были расстроены нашим отъездом, надежда на дальнейшие отношения в виде гостевых приездов, письма, скрашивала разлуку.

О нашем твердом решении с ними не общаться, они не знали. Мы им так запали в душу, что несмотря на чудовищную ску-

пость, они пошли на неслыханные для них траты. Через полтора месяца после нашего отбытия и нашего молчания, Дора и Михаил отправили на разведку своего сына Чиче в Mar del Plata, выяснить, почему мы молчим. Да еще при таких обстоятельствах! Чиче, появившись у нас, почти рыдал, у него горели глаза, он кричал: "Ну почему ты молчишь? По-че-му?" Но обо всем по порядку.

Итак, утро. Уезжаем. Нанятый ремис за 150 долларов стоит наготове. Погрузили вещи, Рику. Дора и Михаил вышли проводить. Помогали с вещами. Попрощались, как там принято, обнялись, поцеловались. Олег не обнимался. Он очень последователен. Но я не могла поступить иначе. Они рано встали нас проводить, были искренне опечалены. И я вообще почти всегда нахожу оправдание чужим поступкам. Мне их жаль, несмотря ни на что. Часто людьми, творящими плохие поступки, руководит темнота. А в данном случае я руководствовалась принятым здесь обычаем – при встрече и расставании – целоваться. Олег по другому расценивал их поведение, поэтому мы вели себя по разному. Но внешне все было вполне нормально, доброжелательно. Только у Олега взгляд был чуть холоднее, чем у меня. Ремис завел свой мотор и мы помчались вперед к югу, в курортный город Mar del Plata, что означает Серебряное море.

Приехав, мы сразу нашли Анатолия и Ленку. Мы свалились к ним в самый разгар летнего ноябрьского дня. Жары не было. Рядом был океан. Для поиска жилья мы подключили хозяйку квартиры Анатолия, которую звали Аделя и все вместе отправились на поиски. Нашли квартиру быстро, буквально за углом. Аделя привела нас к 2-х этажному домику. Она знала, куда идти. Вышла сеньора по имени Рита. Она, разговаривая, так кричала, что мы невольно попятнулись, боясь оглушиться ее громовым голосом. Она оказалась уполномоченной по расселению и предложила нам

апартаменты из 3-х комнат, расположенные в 2-х уровнях – за 300 долларов в месяц. Мы согласились, на машине Анатолия перевезли вещи и нормально обосновались. На первом этаже помещался ливинг, то есть гостиная, на втором – две спальни. Балкон. Туалеты и душ имелись как внизу, так и наверху. Небольшая кухонька. К тому времени Анатолий уже получил свою машину из Киева – белый микроавтобус – мерседес. Как он его получил – это загадка века, но получил. Доставили ему и морем, и сушией и еще не знаю чем. Для оформления микроавтобуса в надлежащем порядке (а в Аргентине это еще сложнее, чем у нас)

не хватало многих документов. Был только документ переправки машины на имя Анатолия и все. У него не было постоянной регистрации места жительства. А в Аргентине без этого правила не оформляют машину. Нелегалам не было возможности зарегистрировать машину. На дворе стоял ноябрь. Власти предупредили, что если Анатолий до конца года не получит ПМЖ, машину он теряет. Мария, сестра хозяйки обещала помочь ему в этом важнейшем деле. Поэтому Анатолий и приезжал в Буэнос-Айрес. Но для того, чтобы дали ПМЖ, необходимо было иметь постоянную работу. Без постоянной работы не давали ПМЖ. Такой заколдованный круг разорвать Марии было не под силу. Но она обещала и Анатолий верил. Я описываю это так подробно, чтобы было понятно, каким ударом для Анатолия было письмо Марии о разрыве с ним всяких отношений. И еще потому, чтобы было понятно, какой накал страстей царил в доме Михаила, чтобы после такого письма, по сути дела, отказа от дома, направить к ним Чиче! И насколько важно было для них узнать о нас,

может быть восстановить отношения, что они даже не посчитались со своей гордостью. И повели себя абсолютно непоследовательно.

После нашего отъезда у Михаила и Доры закипела жуткая обида на Анатолия. Им показалось, что это он совратил нас с отъездом. Но это было абсолютно не так. Нас манила новая жизнь, новые надежды найти работу в курортном городе. Олег говорил, что готов даже мыть стаканы в ресторане. Но правда по прибытии на место он об этом не заикался, и слово "стаканы" вообще не появлялось в нашем обиходе, да и желающих было столько, что никаких стаканов бы не хватило. От Мишки мы все равно собирались уехать и нам до чертиков надоела унылая Альсина. С легким сердцем рванули куда глаза глядят. Лишь бы с нами была наша кошечка Рика!

Так вот, ущербная темная фантазия Михаила привела их к лютой ненависти к Анатолию. Он, только он, лишил их нашего с Олегом общества. А мы уехали и еще не пишем! Хотя бы два слова! И в этом виноват Анатолий! Они психуют.

Должна сказать, что по природе своей я обладаю сверхчувствительностью, особенно это свойство проявилось при смене полюсов, в Аргентине. Я на расстоянии чувствовала, что где происходит, если напряжение идет в мою сторону. Поделилась с Олегом, даже бросила на картах. Все подтвердилось. У Михаила сходят с ума, из-за нас ссорятся, выясняя, кто из них больше перед нами провинился.

Казалось бы, чего психовать? Постояльцев полно, каждый день спрашивают квартиру, любое жилье новые приезжие. А ведь их прибывает два раза в неделю два огромных самолета, ходят толпами. Но почему-то именно мы засели им в самое нутро.

И наши бывшие домовладельцы предпринимают целых два беспринципных хода. Первый – пишут письмо от Марии, чтобы Анатолий никогда больше не появлялся у них. "Потому что уехала Катя! чтобы не рассчитывал ни на какую помощь со стороны Марии и чтобы навсегда забыл к ним дорогу". Для Анатолия это был смертный приговор. Он позволил себе расслабиться

от обещаний случайного человека, Марии, и полностью от него зависеть.

Мы с Олегом, как всегда, идя на океан, зашли к ним и перед нами предстала жуткая картина: на веранде в углу в какой-то короткой кацовейке, с всклоченной седой гривой, уставясь немигающими глазами в одну точку с потухшей сигаретой в зубах, скрючив босые ноги, сидел неузнаваемый Анатолий. На наши вопросы, что случилось, он не отвечал и не шевелился. Мы прошли в ливинг, перешагнув через замечательного охранника – собаку чао-чао, развалившуюся на самом входе. Вошли. На Ленке тоже не было лица. Она прочла нам письмо.

Мы были оглушены таким поворотом. Видимо, Михаил рассчитывал, что с помощью таких мер, Анатолий повоздействует на нас и мы его пожалеем и наше молчание прекратится.

Я еще раньше и тем более теперь готова была написать им нейтральное письмо, чтобы их успокоить. Но Олег был непоколебим. У него была серьезная травма. Сильный ушиб с трещиной нескольких ре-

бер во время принятия душа. Пол душа был из гладкой плитки с ограждающим кирпичом, поставленным на ребро. Олег поскользнулся на мыле, упал боком на кирпич. Травма была тяжелая, очень болезненная с высокой температурой. Мишка отказался вызвать врача, боясь обнаружить для налоговой своих постояльцев. Лечили Олега своими средствами. Учитывая мнение сына и поступки Михаила, я решила молчать, несмотря ни на что.

Второй их ход был совершенно непоследовательным. Так жестко отказав Анатолию от дома, от всякого содействия в делах и какой-либо помощи, они отправляют Чиче в Мар дель Плата и не куда-нибудь, а напрямик к Анатолию, чтобы у него переночевать, чтобы утром Анатолий на своей машине отвез Чиче к нам.

А мы к тому времени уже переехали в центр города, рядом с океаном и казино. Улица музеев, мы когда гуляли с Олегом по этой улице, говорили, что здесь живут счастливые люди. Правда, у нас всегда получается, что когда мы куда-то очень хотим, потом не знаем как оттуда вырваться!

Пред наши ясные очи Чиче появился рано утром. Рыдания в голосе выдавали его сильное волнение. Это был юноша лет 18-19. он уже прилично говорил по-русски. Его учил Олег. Родители "сильно" потратились на билеты в оба конца и жаждали получить ответ, а главное, заручиться моим обещанием написать. Чиче очень хотел оправдать родительские затраты и прекратить их домашние свары из-за нас. Пусть все уляжется и тогда Михаил с Дорой смогут похвастаться перед родственниками и знакомыми, что мы поддерживаем с ними отношения. Чиче умолял: "напишешь? Обещаешь?" Чтобы выйти из этого дурацкого положения и его успокоить, я кивнула, пообещав. Он уехал немного успокоенный. Олег мне объяснял: "мама, это - чуждые по своему менталитету нам люди. Случайные, временно знакомые. По отношению к нам, приезжим людям, ни разу не было протянуто доброй руки, доброго слова. Они не заслужили, чтобы мы поддерживали с ними отношения." Лимоны, которые росли на нашей веранде, прорастали снизу. Мишка ежедневно пересчитывал, хоть бы раз для

порядка, угостил. Никогда. А когда уехали, сходил с ума.

Анатолий долгие месяцы, наверное, месяцев пять ждал ответа от короля Испании Хуана. Он писал ему с просьбой позволить приехать жить в его королевство, как специалисту по системам телекоммуникаций.

Не знаю, почему он написал именно королю, может быть потому, что никого другого он не знал ни по должности, ни по имени. И написал не больше, не меньше, а самому королю. Ответ пришел отрицательный и совсем не от короля, а от каких-то властей, теперь надежда на помощь была только на Марию.

Глава 2. Кеша

Когда в первое время, мы еще жили у Риты, Анатолий поплелся к причалу. Торчал там долго, вглядываясь в прибывающие судна. Все таки бывший моряк! В Киеве он работал в министерстве, конечно, до министра ему было далеко, но кем-то там числился. Но моряк все-таки в нем жил неис-

требимо. Прибыл корабль и из него на берег выходили веселой гурьбой моряки, предвкушая радость ступить на твердую землю, посидеть в приморском ресторанчике.

Анатолий заметил знакомого моряка, с которым когда-то плавал в дальние страны. Оба порадовались встрече, повспоминали. Моряк наградил Анатолия бутылкой какой-то интересной виноградной водки.

Эту водку Анатолий притащил домой. Вечером мы все собрались за столом. Анатолий разлил водку по рюмкам. Ленка приготвила что-то из лапши и еще чего-то. Попугай Кеша был не только красно-зеленый красавец с желтым хохолком, он был еще и умен. Он был еще и говорящий. Когда мы к ним приходили, он радостно сообщал: Катя пришла! Когда мы все расселись, он по своему обычаю вспорхнул на плечо Анатолия, удобно уселся, почистил клювик и громко объявил: хочу чаю!

Анатолий не долго думая, берет столовую ложку, наливает туда водку и подносит ее Кеше, мирно восседающему на его плече.

Бедная доверчивая птичка, не почуяв подвоха, хлебнула "чай" из ложки. И.. о, ужас! Поперхнулась, закатила глазки и стала умирать. Это угощение произошло так быстро, что мы не успели отреагировать. Но когда это случилось, мы стали ругать Анатолия за его дурацкий поступок. И было непонятно, как же Кеша не почувствовал запаха? Далее, в одну секунду невообразимое! Кеша открыл глазки, втянул голову в плечики, вздохнул, выпрямился, чуть отпрянул назад и со всего размаху, со всей попугайской силы долбанул огромным клювом Анатолия в седую гриву!

На волосах показалась кровь. Он треснул попугая ладонью и тот мигом помчался в свой домик. Через пару минут Кеша пришел в себя. Они взаимно рассчитались, никто уже не помнил обиды и не успели мы еще допить свои чарки, как Кеша уже опять сидел у Анатолия на плече, он посчитал то, что произошло, мелким недоразумением. Если бы люди так же быстро забывали свои обиды!

Уместно сказать, что Анатолия Кеша любил. А Лене не мог простить, что та, как

он думал, бросила его на дереве. А было это так. Кеша выпорхнул из клетки, когда они еще жили на Альсине, полетел и сел на высокое дерево. Лена его нашла, залезла на дерево, при этом разорвала джинсы (в конце 1997 года еще не было модным носить рваные). Но Кешу не достала, он наотрез отказался даваться ей в руки. Дома Кеша не появился, а им надо было утром уезжать. Отъезд задержали, но Кешу не нашли. Поправилась свобода. Уехали без него. Уже после их отъезда Кешу обнаружила у чужих людей одна их знакомая и позвонила Ленке. Она приехала и отобрала Кешу. Он снова был с ними.

Встрече был рад, но обиду не скрывал. Косил глазом на Лену и демонстративно отворачивал головку, когда она пыталась приблизиться, с тех пор он садился на плечо только к Анатолию. Кеша за свои небольшие годы многое видел – путешествие в разные страны, сиротство, одиночество, радость встречи, дружба с собакой и кошкой.

А один раз ему пришлось даже в церкви ночевать, со всей семьей, где их при-

ютили на ночь, кроме собаки. Ее не пустили в церковь, она находилась рядом. А Кешу пустили, отчего он был очень горд и счастлив.

Глава 3. Ольга Романович

Провожая нас на новое место, куда мы с Олегом пожелали отбыть, Надя снабдила нас адресом и телефоном к своим знакомым, с которым в прошлые годы вместе летала в Минск, к Ольге Романович.

Сначала я позвонила Ольге. Представилась. Договорились о встрече. На другой день встретились – мы с Олегом увидели ее недалеко от пристани в условленном месте. Был изумительный летний ноябрьский день. Океан был рядом. Чайки стонали от удовольствия и блаженства, обилья рыбы. Предвкушение тихого счастья томило душу. Как у А. Дементьева: "да надежды, как птицы парили в душе..." Ольга нарисовалась в красной блузке и белой шелковой юбке, очень моложавая, свежая, загорелая. Поговорили. Она пригласила нас на день

рождения. Адрес – парк Люро! Она жила на улице в парке.

Мы с удовольствием приняли приглашение, вооружились подарком и, радуясь новым встречам, на другой день отправились в путь. А путь от нас был неблизкий. Долго ехали, долго шли через огромный парк Люро. Тенистые парковые улицы были полностью окутаны цветущими кустарниками, крошечные птички – колибри нависали над цветами, лакомясь нектаром. Это казалось каким-то чудом, виденном нами только на картинках.

Ярко раскрашенная птичка величиной чуть больше бабочки усердно добывала себе пищу из цветка, не садясь на него. Вообще вся дорога к дому Ольги по парку была какой-то завораживающей. Все вокруг казалось ненастоящим, а каким-то призрачным. Солнце просвечивало сквозь густую зеленую вуаль. Огромные эвкалипты, словно сказочные великаны, излучали крепкий головокружающий аромат. Все казалось райским сном.

И все же – это была жилая улица. Дома стояли один от другого поодаль и отличались по строению и архитектуре.

Наконец, мы подошли к дому Ольги. У нее их было два. Один – фасадом выходил на улицу, другой был в глубине двора. Оба дома канализованы, прекрасно оформлены. Во дворе – кругом цветы, никаких огородов.

В доме Ольги мы провели прекрасный день и вечер. Познакомились с ее подружкой Марией, впоследствии дружили с обеими. У Ольги всегда была русская музыка на кассетах, она неслась по всему парку, наполняя наши души теплом и радостью. Но...

Прочитирую слова великого мудреца Блеза Паскаля: *"Все тела, небесная твердь, звезды, земля и все ее царство не стоят самого ничтожного из умов, ибо он знает все это и самого себя, а тела не знают ничего. Но все тела вместе взятые, не стоят единого порыва милосердия – это явление несравненно более высокого порядка"*.

Забегая вперед, скажу, что было потом, позже. Не знаю, для кого как, а меня это ранило и навсегда с болью запало в душу.

Как-то раз я, как обычно, шла к Ольге. За мной увязалась черная гладкошерстная собачка чуть больше средней величины. Мы с ней ласково посмотрели друг на друга и молча шли рядом. Она шла за мной всю дорогу, не отставая и не забегая вперед, как за хорошей знакомой. У меня из еды ничего с собой не было и там не было магазинов, чтобы угостить спутницу. Я от этого страдала, но только надеялась, что Ольга чем-то ее угостит.

Собачка была явно голодная, худенькая без всяких признаков присутствия в ее жизни заботливого хозяина. Мы шли, я страдала, жалея ее, и не замечала в этот раз никаких красот южно-американского парка.

Наконец, мы пришли. Я позвонила в дверь. Ольга открыла и первое, что сделала, увидев собаку, злостно топнула ногой. Собака шарахнулась. Я задохнулась от такого жуткого равнодушия к живому существу. Я кинулась за собакой. Остановила

ее. Вернулась, сказала Ольге: "Оля, голодная собака бежала за мной несколько километров, покорми ее! Так нельзя поступать ни с кем!" Она молчит. Я не вхожу, готовая уйти обратно. Тогда она вынесла кусок черного зажаренного сухаря. Я взяла и отнесла собаке, догнав ее через полквартиры! Она взяла корку, жевала ее, а я стояла рядом и плакала.

Мне было стыдно перед собакой за человека. Я огляделась кругом, и каким ничтожным показалось мне окружающее великолепие! Паскаль смотрел в самый корень жизни.

После смерти мужа Ольга жила в доме одна. Ее покойный муж был ювелиром. После него осталось три дома в Буэнос-Айресе и трое женатых сыновей. Уже пять лет к тому времени у них шла тяжба с Ольгой с целью отобрать у нее дом в парке Люро. Ольга в законных женах с покойным не состояла. Козырь был один – фактическое проживание. Суды шли за судами и конца не было видно.

Надо сказать, что Ольга была человеком с двумя лицами. Когда она искала какую-то

выгоду, она превращалась в хорошего доброго человека. Но стоило ей почувствовать себя "на коне", она мгновенно отворачивалась, растаптывая все отношения. И по злости и жестокости ей не было равных. Так она поступила со своей подругой Марией и также – с нами, в точности, как с собакой.

Но интересное совпадение! Если это можно так назвать. Когда мы ей были нужны и она распростерла нам объятия, у нее приключился неожиданный поворот в жизни. Очень хороший.

В Мар дель Плата стояли на причале два арестованных властями корабля. Моряков немного кормили, зарплату не платили и они нанимались копать ямы. У всех в России и Украине были дети, жены, а они даже не имели возможности позвонить домой.

Это продолжалось довольно длительное время – годы. И вот, один моряк, с такого корабля, но имени Виктор, влюбился в Ольгу. Ему было 47 лет. Выглядел моложе. Отличный парень. Ольге исполнился 61 год. Он переселился к ней. Любовь их обоих переполняла. Они все время ходили в

обнимку, как два старых дурака. Хотя выглядели они вполне молодыми. Эта любовная вакханалия продолжалась месяца три. За это время Ольга успела напрочь оттолкнуть подругу Марию, приятеля Хуана, нас и еще несколько человек. Не просто перестала общаться из-за "занятости", а отшвырнула с грубым окриком. Она не ведала, что произойдет.

Отношения с Виктором оборвались. Она померкла и кинулась к нам восстанавливать отношения. Были еще случаи ее такого же поведения и всегда, неизменно она получала от жизни очередной урок, который ничему ее не учил.

Как-то она рассказала мне историю своего брата, жившего в Минске. Его бывшая жена после развода с ним, будучи актрисой, уехала в Америку. Там она помыкалась в поиске работы, поскиталась без своей квартиры и решила отбыть обратно, в свою Белоруссию. Но ее квартира была заблаговременно продана, и жить было негде.

В свою бытность, до отъезда в Америку, она, пользуясь известностью и связями, помогла приобрести однокомнатную квар-

тиру своей домработнице. И, вернувшись, она попросилась к ней на жительство. Та приютила ее, они так и живут вместе. Поистине, верна восточная мудрость: "Что отдал, то твое!"

Глава 4. Нечипурук.

Следующим по Надиному списку был Нечипурук. Адреса у нее не было. Она сказала: сориентируетесь на месте. Отвез к нему нас его давний приятель Сергио. Они давно уже не были приятелями, а скорее – врагами.

Нечипурук удачно женился на богатой аргентинке, да к тому же красавице, владелице огромного дома с магазином по имени Елена. А Сергио женился на немолодой, некрасивой, бедной женщине, да к тому же очень ревнивой. И тут дорожки их разбежались в разные стороны. Сергио отвез нас, машину остановил невдалеке от дома. Высадил нас и умчался, чтобы не встретиться с бывшим другом.

Сергио сам с Украины. У него там оставалась мать. Ответов на свои письма он

не получал, даже не знал, жива ли она. Здесь он имел крошечную лачугу, дворик величиной с блюдечко, собачку и хороший телевизор. А занимался он тем, что из кур делал какие-то блюда, которые подавались во время обеда в Русском клубе.

На поездку на Украину у него денег не было. Я не знала, выберусь ли когда-нибудь из Аргентины, но решила, если выберусь, помогу разыскать родных. По приезде в Россию, я написала Сергио, с просьбой сообщить адрес матери, но он почему-то не ответил. Скорее всего жена утаила письмо из-за страха, что муж поедет разыскивать мать.

Итак, Сергио отчалил. А мы остановились под балконом огромного дома, словно собрались петь серенаду под шарманку. Какая-то девочка позвала хозяина и через минуту через перила свесилась патлатая голова. Узнав, кто мы такие и какого лешего нам надо, он пригласил нас с Олегом в дом.

Вошли на веранду. По всей ее длине стоял стол со скамьями по обе стороны. Сели. Олег по одну сторону стола, я – по

другую, напротив. Не успели мы начать разговор, как ... о, ужас! Прямо на нас несутся две огромнейшие овчарки с оскаленной пастью – одна на Олега, другая – на меня. Защиты никакой! Хозяин сидит в торце стола и спокойно ухмыляется. В доли секунды собаки кидаются нам на плечи, обвивают нас своими горячими, огнедышащими телами и ну лизать нам морды! Мы замерли, втянули головы в плечи, прощаясь с жизнью, и только успевали уворачиваться от жарких собачьих поцелуев. Наконец, истратив весь запас сердечности и гостеприимства, собаки успокоились и сели.

Я поражаюсь, как, уловив на мне запах Рики, собаки нас не сожрали! Удивительные существа! Сколько любви, ласковой нежности у них нашлось к незнакомым людям, пришедшим впервые в дом. Замечательный натуралист Генри Бестон здорово сказал "...Животные не меньшие наши братья и не бедные родственники. Они – иные народы, попавшие вместе с нами в сеть земного великолепия и земных стра-

даний!" Вот эти "иные народы" иногда повергают в шок своей непредсказуемостью.

Нечипурук рассказал нам, что однажды, совсем недавно они с женой куда-то ушли, а собак зачем-то заперли в комнате. Все остальные помещения были начисто ограблены ворами. Унесли все.

Похвалив заласканных собак, мы еще немного поговорили и покинули Нечипуруков.

Глава 5. Таверна

В первые же дни нашего прибытия в Мар дель Плата мы для расширения круга знакомств решили наносить визиты всем подряд нашим русским.

Гуляя по побережью и забредя на пристань, мы с Олегом решили завернуть в таверну к киевлянке Ольге (тоже Ольга!) Она открыла таверну на берегу океана в русском стиле со всей русской атрибутикой. Все начиналось, как по маслу. Ольга – интересная белокурая женщина, представительный муж, дочка – подросток.

В предвечернее время в таверне было мало народа. Обычно сходятся ближе к ночи. Ольга под села к нам за столик, мы познакомились и она рассказала обо всех перипетиях, приключившихся с ее семьей, а которые приключились позже, мы уже наблюдали в непосредственной близости. Показала фотографии, когда была на вершине успеха.

Средств было достаточно. Решили они продать ресторан и отправиться всей семьей в длительное путешествие по Европе с окончанием турне в Южной Америке.

На своей машине поколесили по Италии, Франции и еще кое-куда заглянули. Покупали прекрасные вещи, что приглянулось, то и брали в лучших магазинах Европы. Наездились, переправились в Аргентину. Открыли таверну, сняли для жилья большой 2-х этажный дом. Пока – все на широкую ногу.

Договор Ольгин муж заключил с хозяином дома официальный и по всем правилам. Поставил подпись. Старая язва желудка дала о себе знать. Вскоре умер от рака. Ольга отказалась платить за жилье хозяину под

тем предлогом, что не она подписывала договор, должника нет. А с нее взятки – гладки.

Разумным шагом было бы съехать с этой роскошной квартиры, если нет средств платить. Но Ольга и не думала съезжать. В течение года задолженность огромной суммы. Хозяин не раз ее письменно предупреждал об ответственности и необходимости уплаты долга.

Но Ольга, когда ее не было дома ночью – она проводила ночь в таверне, а дочка гуляла, - хозяин инсценировал ограбление – вывез из квартиры абсолютно все вещи, они с лихвой покрыли весь причитающийся долг. Дом был нашпигован отличной техникой, нарядами, дорогими шубами, первоклассными постельными принадлежностями, посудой. Все погрузили на машину и увезли под видом ограбления.

Ищи – свищи. Ольга, придя утром домой, смогла только "ахнуть". Долг хозяином был получен, хоть и нецивилизованным путем. А ведь в таверне у Ольги была

комната, куда можно было бы переместиться. Сохранились бы вещи!

Итак, судьба решилась таким образом: Ольга осталась одна, без средств, таверна мало давала дохода, нищие моряки не могли много отваливать, а богатые аргентинцы ходили проводить время в казино и центральные рестораны. И на фиг им русская таверна! Сто лет она им снилась. У Ольги была дочь – пятнадцатилетняя абсолютная шалопайка.

Когда они остались без отца, девочка пошла на улицу. Ее прихватили местные подростки, увлекли гулянками и наркотой. Пришлось ее с помощью Анны Семеновны, о которой расскажу ниже, определять в специальный детский приемник. Ольга совершенно потерялась и попала в зависимость от сильной и властной женщины – президента русского клуба. Та пообещала ей помощь и покровительство. Таверну она тоже прибрала к своим рукам.

Глава 6. Русский клуб.

Идея создания русского клуба витала в воздухе много лет. Нужен был какой-то очаг для моральной поддержки людей, оторванных от родины давно и навсегда.

Большинство из них русский язык полностью забыли. А другие ездили на родину в гости и были вполне адаптированными эмигрантами. Жили в основном в дальних районах, в халупах, где нет прихожей, а вход с улицы прямым в комнату. С жильем там вообще туго.

Знакомая женщина – директор школы, муж – учитель, трое детей возрастом 17-19 лет живут в микроскопической квартирке, причем, дети – два парня и девушка ютятся втроем в одной спальне размером со спичечный коробок. Спят в два яруса. Знакомый, по имени Хуан (бывший Иван с Украины) с печалью вспоминает минувшие времена при Пероне и Эвите, когда он владел шестью домами. А теперь – всего один и то – замухрыжный. О Хуане я позже расскажу.

Русский клуб находился в глубине полуострова, ходили мы с Олегом туда пешком по длинной улице Constitusion регулярно. Я строчила письма двум президентам – Менему и Кучме. Напоминала им о проекте, который был ими принят, а теперь с успехом ими проваливается. В клубе была пишущая машинка. Был русский и латинский шрифт.

Я здорово насобачилась писать по-испански, до сих пор я храню некоторые свои опусы и очень горжусь ими. Может быть даже вверну их в это сочинение. Вопросов к различным организациям было много. Только успевай писать.

Но что удивительно, в этой стране – сколько хочешь пиши, но ни одного ответа не получить! Там не принято отвечать на письма.

В посольстве в Киеве мы получили визу, т.н. – "34-б", а на работу устроиться было невозможно. Вот и оттачивала я свои литературные пробы – президентам, послам, консулам.

Посещения русского клуба были позже. Сначала мы позвонили Анне Семенов-

не – президенту. О ней нам рассказывала Дора, когда мы еще жили на Альсине и дала примерный адрес. Мы знали, что у нее было две дочери. Одной – Ане – 28 лет, она окончила ВГИК, хорошо говорила по-русски. Другой девушке было 30. Она была очень полной. Хорошо пела под гитару.

Анна Семеновна пригласила нас в гости. Жили мы поначалу на одной улице с ними Fortuna de Plata, только мы – ближе к океану, а Анна Семеновна в конце улицы. Она имела огромный дом, огромное хозяйство в провинции Буэнос-Айреса имела многогектарное поместье с домом, пасекой. Там работали наемные люди. Батраки. Анна Семеновна содержала на первом этаже мебельный магазин. Все, что было в продаже в магазине, она сделала своими руками. Я видела ее в работе. Прекрасные диваны, подушки она сшивала, сбивала, клеила с невероятной сноровкой и быстротой. Еще они владели кораблями, стоящими на пристани. Все моряки, кто не мог устроиться куда-нибудь на работу, были у них в услужении. Паспорта Анна Семенов-

на отбирала и хранила у себя. У нее была целая их куча.

Ее апартаменты находились на втором этаже. Анна Семеновна очень тепло нас встретила, познакомила с мужем Василием Петровичем. Дочек в тот день не было. Они не знали о нашем приходе и находились в Буэнос-Айресе. Нас усадили за стол, показали сиамскую кошку с котятками. Угостили хорошей легкой водкой, национальными кушаньями. Анна Семеновна и Василий Петрович были родом из Сибири. Уехали оттуда в 1955 г. и с тех пор живут в Аргентине.

Анне Семеновне здорово понравился мой сын. Для своих незамужних дочек. Для Ани. Девочка с запросами, а мужчины – аргентинцы ей никак не подходили. Они были мало развиты, примитивны, одним словом, латиносы. Аня не могла найти себе пару.

И– пожалуйста, явился заморский принц, свободно говорит по-английски, не пьет, не курит, по специальности программист, образование высшее, имеет 10-

летний опыт работы руководства собственными организациями.

Анна Семеновна была покорена. В довершение портрета скажу еще, что он шатен с серо-голубыми глазами. Немного словен. Выше среднего роста.

Анна Семеновна начала нас всячески опекать. Еще живя на Альсине, мы мечтали познакомиться с этой хорошей семьей. А потом, как всегда давала себя знать наша особенность – не знали, как оторваться. Но это уже потом. А пока – к нашим услугам все. Квартиру снять дорого, ведь мы же еще не работали, пожалуйста - нам предоставили бесплатно помещение на втором этаже клуба! Никому это не позволялось, а нам – пожалуйста. Но мы, как гордые рыцари, поблагодарив, отказались, не желая попадать в золотые сети.

В Аргентине без поддержки не выживешь. Но у Олега была цель и это для него было святое – он спал и видел – уехать к дочери. И никакие блага не могли удержать его от возвращения из Аргентины.

Впоследствии Олегу поступали такие предложения, от которых мало кто отказался бы.

Наверное, никто не поверит, что можно выжить в чужой стране во время абсолютного безденежья без всяких надежд на устройство на работу, даже на самую черную.

Я хорошо помню и никогда не забуду ощущение пустых карманов. Чисто, ни пылинки! Элегантная одежда из недавней прошлой жизни, жилье на престижной Avenida Colon, хорошая изолированная квартира в "Морале", за которую мы уже не могли платить и стерильные от денег кошельки! Попросить у кого-то даже не приходило в голову. Таких знакомых не было! Да это и не выход.

Когда мы с сыном рассуждали перед тем, как решиться на такую авантюрную поездку о нашей возможной будущей жизни, я риторически спрашивала, что мы будем делать, если деньги кончатся, а мы не сможем устроиться на работу? Где мы будем жить и что есть? Олег отвечал: спать на берегу под лодкой.

Но действительность оказалась еще хуже. Лодок не было. Люди спали прямо на берегу, на мокром песке, завернувшись в тряпье.

Когда по утрам мы шли с Олегом вдоль берега, мы видели эти неприкаемые разбросанные человеческие куколки, мирно почивавшие на чужой негостеприимной земле.

В Буэнос-Айресе мы постоянно наблюдали одного мужчину, жившего на скамейке автобусной остановке. Он жил там четыре года. Видимо, из-за него перенесли остановку, но скамейку ему оставили, на память. На скамейке он спал, рядом стояли его узлы, сумки. Лежало свернутое одеяло. Видно было, что обосновался надолго. Иногда его не было на месте, а вещи лежали. В Аргентине на человека приезжего абсолютно наплевать. У власти стояли сволочные люди. Бог у них один – кошелек, да и голоса на выборах.

В Харькове у нас была роскошная по планировке и оформлению квартира в тихом, аристократическом центре с балконом в 40 м². Дом – памятник архитектуры. Работа – Олег на телецентре, я – в ВУЗе. Ко

времени отъезда мы уже успели открыть и проработать 10 лет в своих собственных организациях, занимающихся проектированием, закрыть их и приготовиться в далекое загадочное путешествие.

Наши три предприятия мы вынуждены были закрыть, т.к. Украина на всех уровнях прекратила финансирование любых строительных объектов, а Россия прекратила финансировать украинских проектантов из-за раскола Союза. У меня была лицензия на работу в России, но она уже не спасала.

Заказы перестали поступать и в проектные институты. Или сократились до минимума. Может быть, следовало переехать в Россию, в мой родной Санкт-Петербург, но мы это предложение даже не рассматривали. СНГ ничем нас не привлекал. В Петербурге ждала нас полная неустроенность и мыкание по чужому жилью, что в итоге мы и получили.

В Аргентине бывают сильные ветры. Он сбивает с полета маленьких чаек, шлепает их об волны, не давая подняться. Это напоминает мне нас. Судьба также швыряет нас, как птичек, лупит со всей силы, ис-

пытывая на прочность. Уместно привести цитату древнего философа и мудреца VII века до н.э. Феогида в переводе Вересаева:

"Кирн! НЕ сам человек – творец
своей жизненной доли.
Счастье и бедствия шлют боги –
податели нам.
Знает ли кто из людей, стремясь
к задуманной цели,
Что достижение дает, – благо иль
тяжкое зло?"

Греческий мыслитель тоже VII века до н.э.

Симонид Аморгоский:

"По воле, мальчик, Зевса тяжкогромного
Конец приходит к смертному.
Не сами мы судьбу решаем нашу.
Кратковечные, как овцы, мы проводим
жизнь
Не ведая, какой конец нам Бог готовит
каждому."

"О мертвом, если б были мы разумнее,
Не дольше б горевали мы, как день один."

Эти высказывания мудрецов не были отступлением от темы. Они подтверждают неизбежность всего случившегося ранее и в дальнейшем.

Но вернемся к Анне Семеновне и Василию Петровичу. Анна Семеновна была высокой, статной представительной женщиной, влиятельной и известной в высоких кругах Буэнос-Айреса. Была знакома с главным католическим лицом, имела с ним дружеские встречи. Она крепко держала в своих руках многих представителей власти. Иначе – она не могла бы владеть арестованными кораблями. Она имела большие финансовые средства, в этом была ее сила, поэтому легко могла влиять на выборы.

Василий Петрович – это прелесть, красавец, - изумительно одет, даже щеголевито. Коричневый пиджак, прекрасно пригнанный, из отличной ткани в паре со светлокофейными брюками и стрелками, о которые можно порезаться, шоколадного цвета туфли фирмы "Саламандра", носки, галстук – закачаешься! И при этом, выющиеся волнами волосы, никакой седины. В 1998 году ему было 46-48 лет. Очень энергич-

ный, доброжелательный. Очень напоминал нам русского хлебосольного помещика.

Политику на арестованных кораблях вершила Анна Семеновна, т.е. она ее задавала, а исполнял задуманное Василий Петрович. Анна Семеновна на кораблях не бывала, а Василий Петрович являлся туда каждый день. Это было его основным делом. Он проверял работу моряков, учитывал с ними объем их работы.

Он был добр, приятен в общении. Если он проезжал в машине, а мы стояли на остановке, никогда не проезжал, не остановив машину. Он также иногда приезжал на плантации, следя за хозяйством, пасекой, угожьями.

Анна Семеновна в глубине души была добрым человеком, но никогда этого не показывала. Когда она делала добрый поступок, она оправдывалась перед нами – якобы это делает не от доброты, а только потому, что очень ответственная. У нее в Сибири остался брат, она потеряла его из виду и от этого страдала. Когда кому-то помогала, говорила: "может быть, моему брату

кто-то поможет". Свой скелет в шкафу имела и она.

На следующей недели по плану было т.н. собрание членов русского клуба. Мы были приглашены.

Огромное двухэтажное здание. По всему периметру длинные столы со скамьями. Женщины, примерно человек 7-8 готовили еду. Небезызвестный Сергио, возивший нас к Нечипруку, готовил кушанья из цыплят. Подавались горячие блюда, салаты, вино. Анна Семеновна открыла собрание, произнесла речь. В общем, была торжественная часть, потом женщина неплохо спела пару русских романсов. Играла музыка. Местные жители жадно поглощали пищу, держа на коленях открытые сумки, в которые они дружно кидали обглоданные куриные кости для домашних животных. Народу было более 100 человек. Но гвоздем программы были наши моряки.

Они пели под гитару наши русские песни и были великолепны. Аргентинские девушки их успели полюбить и их головки млели на плечах своих избранников.

Третье наше посещение клуба ознаменовалось интересным знакомством.

Из офшорной зоны от Аушева приехал мужчина, очень похожий на молодого Ленина. Имя его было Павел, но кличка – Ленин. По приезде в Mar del Plata он сразу купил дом за миллион долларов. Нанял на работу наших моряков для устройства бассейна и другой прикольной атрибутики.

Глава 7. Ленин.

Появление Ленина в Mar del Plata было настоящим событием, не уступающему нашему с Олегом появлению. Разница между нами была в том, что Павел обладал огромным финансовым счетом, добытым в известном всем оффшоре. А что касается нас, то у всех было полное ощущение, что мы обладаем хорошими средствами. Мы никого, ни в чем не разуверяли. Да, мы сняли квартиру на берегу океана в престижном Морале, мы элегантно одеты, не устраиваемся на работу (никто не знал о наших поисках). К нам очень благоволят

Анна Семеновна, никто не пользовался таким ее расположением.

Mar del Plata – городок небольшой, всего-то 300 тыс. населения (в Temperadu – 1 млн 200 тыс.).

И все русские знают друг друга. Все местные русские живут очень скромно, я бы сказала, перебиваются случайными доходами.

Павел-Ленин явился в этот городок сказочным принцем – свободным и богатым. Ну кто еще мог купить дом в южно-американской стране за миллион долларов? И еще реконструировать его, давая заработок нуждающимся морякам.

Первый визит он нанес Ольге. Привел его Виктор. Ленин принес цветы и стихи. Ему стало известно о нас. Но кругом только и было слышно: Ленин! Ленин! У него были свои планы на жизнь в том месте.

Он в своем статусе был в единственном числе. Ему необходим был грамотный, сведующий в организационных делах, помощник. Он приобрел компьютер и не имел понятия, что с ним делать. Сразу, как

приехал, познакомился с Василием Петровичем, с моряками, которых взял на работу.

У Анны Семеновны появился конкурент. Часть моряков – а это была рабочая сила – отхлынула к Ленину. При первом же знакомстве с Василием Петровичем Ленин поведал ему о своих планах заполучить грамотного программиста. Василий Петрович со всей своей детской непосредственностью, не подумав над последствиями, выложил ему, что такой есть – единственный во всем окружении – это Олег.

Обещал с ним познакомить.

Бедный Василий Петрович! Ему было невдомек, что выводя Олега из сферы влияния Анны Семеновны (хотя он там еще не был!), он разрушал ее надежды сделать Олега своим родственником.

Если Ленин даст Олегу хорошо оплачиваемую работу, ему не нужно будет обращаться к Анне Семеновне. И пути-дорожки их всегда будут идти порознь. Василий Петрович еще не знал, какая ссора предстоит ему с женой. А Анечке, дочери, Олег понравился. А что теперь? Она его никогда не увидит.

На очередном собрании русского клуба во время застолья появился сам Ленин. Он подошел к Василию Петровичу, который своим редким присутствием украшал общество.

Василий Петрович пришел в клуб специально познакомиться Ленина с Олегом. Олег вышел с Лениным на улицу. Долго говорили. Первое, что сказал Ленин: "Я в этот сарай притащился ради тебя!" Но надо сказать, что притащился он на белом мерседесе!

Все бы так тащились! Потом Олег мне рассказал, что ему было сделано предложение работать у Ленина и жить бесплатно в его шикарном коттедже с бассейном и разными наворотами.

Работать в качестве советника по коммерческим и организационным делам за высокую зарплату. А Олег обожал работу, связанную с программированием. Он мог 15-18 часов просидеть перед компьютером, разрабатывая и сочиняя собственную программу. Он делал это на разных языках, а особенно любил Assembler. Это – язык языков, как он говорил. Олег обещал поду-

мать, потому что к тому времени мы уже ждали возможности улететь оттуда.

Это было время, когда уже не было моральных сил, а так же средств оставаться в Mar del Plata. Когда мы с неистребимой тоской шли на океан, садились на прибрежные камни и с комком в горле, следили за полетом самолетов в сторону Европы. Мы завидовали птицам и даже ветру, летящим в родную сторону.

Олег в стихах назвал это место "Берег Печали". А Ленин загорелся. На Украине мы с Олегом управляли и довольно успешно, целых 10 лет тремя организациями. И Олег имел хороший опыт кручения в этой системе. Для Ленина это было ценно. Он обещал "золотые горы". Олег обещал подумать и завтра сообщить о своем решении.

О факте знакомства Ленина с Олегом Василий Петрович сам рассказал Анне Семеновне. Если бы он знал, какая гроза на него обрушится, он бы от этого воздержался. А Олег до "завтра" думал только 1%. На 99% он уже решил все еще во время разговора. Отказать! Должна сказать,

что это его решение шло вразрез с моим. Я нутром чувствовала, что это неправильно. На данном этапе надо было хвататься за любую работу, тем более за такую.

Поработать какое-то время, а там видно будет. Но Олег рассуждал иначе. Зачем прилипать к работе, которую придется неизбежно бросить из-за отъезда! Он был настолько поглощен мыслью об отъезде, встречей с дочерью, что на серьезную работу, а эта работа требует полного погружения в нее, не оставалось места.

Ленину на другой день пришлось звонить мне и сообщить об отказе. Олегу было неприятно выслушивать уговоры, и он попросил позвонить меня.

Ленин встал на уши. Он не знал, где ему еще искать русского программиста, да еще с таким багажом. Ведь в такой работе много переписки, и она вся ведется на английском. Но и в этом случае, у нас было как всегда, сработала та же закономерность: когда мы только услышали, что появился миллионер (долларовый), мы по-мечтали: "хорошо бы у него поработать!" А когда он сам искал Олега, предложил

ему то, о чем нельзя было даже мечтать, не знали, как лучше оформить свой отказ, т.е. опять не знали как вырваться от настойчивых уговоров, как из плена.

Продолжая перечень случаев такой закономерности, напомним, что также было с семьей Анны Семеновны. Еще живя у Михаила с Дорой, мы помечтали познакомиться и подружиться с семьей Анны Семеновны, ее дочерью. Когда это произошло, было даже лучше, чем мы ожидали, нам были сделаны конкретные предложения, нам они становились ненужными по чисто нравственным соображениям. А по финансовым – наоборот, мы в буквальном смысле, особенно в последнее время, сидели без обеда, а то и без остальных положенных трапез. Но не сдались!

Было все – и богатые влюбленные невесты, предложения престижной работы, а дальше будут предлагать вообще невероятные вещи, но мы как закаменели в своих патриотических рвениях. Пусть лишения, даже жизнь впроголодь. Но мы свободны как вольные птички!

Сняться можем в любую минуту. Это для нас было самым важным.

По большому счету Олег был прав. Но я руководствовалась практическими соображениями. Позже, оказавшись в Санкт-Петербурге, на моей родине, где нас никто не ждал, моя квартира была безвозвратно потеряна, мы не имели здесь ни гражданства, ни прописки, ни работы, Олег сказал, что если бы он знал, что нас здесь ждет, он подумал бы еще лучше, как поступить в то время.

Но по-другому он не поступил бы. Слишком заворожила его трехлетняя дочь Настенька, она манила его с такой силой, что отцовство в нем разыграло прямо материнское. Поэтому он все земное благополучие послал ко всем чертям, надеясь только на встречу с ребенком.

Он сочинял для нее сказки, посылал ей сериями, вернее главами с иллюстрациями. И жил только надеждой. Создадим опять свое предприятие, а рядом будет дочь.

Во время наших с Лениным перегово-

ров, он сообщил, что срочно по делам уле-

тает в Москву. Приедет, позвонит Олегу. Но долгожданный день пришел! Через несколько дней на "телефонику" пришла компьютерная распечатка – вызов в Москву от Левика и Сережи – двоюродных братьев Юры. Олег оказался прав. Слишком поздно поступило предложение о работе, счастливая ночь отъезда зафиксирована на фото. Всей душой Олег рвался к дочери, пренебрегая всем, что могло бы помешать их встрече. Отказывался от всего, что могло бы его задержать. Но отказавшись от всех благ, только, чтобы встретиться с дочерью, по какому-то злосчастному року дочь он так и не увидел.

Глава 8. Вязовский

С Вязовским мы познакомились на Главпочтамте, куда пришли отправить Насте посылку. Теплые, красивые зимние вещи Настеньке в Сибире были необходимы.

Вязовскому моментально доложили: пришли русские. Как потом выяснилось, Вязовский состоял на тайной полицейской службе и неспроста интересовался приез-

жими. Подошел, по простому представился, узнал, кто мы и откуда. Пригласил нас к себе в кабинет, а он был начальником отделения и рассказал подробности своей жизни.

Родом он был с Украины, но жил в Уругвае. Убежал из Уругвая тридцать лет тому назад. Там у него остались мать, жена и пятеро детей. Несмотря на это, он за все эти годы ни разу там не был. Приревновав жену, он срочно отбыл в соседнюю Аргентину.

Мы поняли из его рассказа, что он там грохнул любовника жены и вынужден скрываться. Ко времени нашего знакомства ему было 55 лет. Чтобы Аргентина его не выдала, он принял предложение поступить на специальную службу. Там он и состоял долгие годы.

Работая на почте, он собирал различную информацию. Подбирал для своей работы нужные кадры. Позже это коснулось и нас. Мы поговорили с ним, отправили посылку и ушли. На этот раз он не взял ни телефона, ни адреса.

О нас доложил своему начальству. А его непосредственным начальником была его жена, состоявшая на этой же службе. По чину она была старше него, и он был обязан ей все докладывать и действовать по ее прямым указаниям.

Когда он сообщил ей о знакомстве с нами, она приказала ему найти нас и начать вербовку. В первую очередь им нужен был Олег.

Мы нигде не были зарегистрированы, и искать нас можно было только через знакомых, которых в то время у нас было мало.

Но однажды, вскоре, по домофону раздается звонок. Иду открывать дверь. Смотрю, Вязовский. Впускаю. А он говорит: "Я везде вас ищу. Хожу по улицам, ищу светлый чубчик вашего сына."

Там, действительно, легче всего найти по чубчику, потому что кругом все темноволосяе. Пригласила в квартиру. Он сразу сказал, что жена приказала нас найти. При этом, она спросила: "А та украинка красивая?" если с Украины, значит, украинка. И позднее, когда по ее же заданию, он бывал у нас, по возвращению она спрашивала:

"Где же ты так долго был? С той украинкой?"

А он, надо сказать, проводил с нами уйму времени. Им нужны были кадры и он добросовестно служил. В Аргентине слежка, стукачество – все в полном расцвете, целая сеть информаторов подвизается на этом поприще. Не охвачены этой заразой только полные лентяи и никчемы. Все тайно следят друг за другом при внешней покоряющей улыбчивой доброжелательности.

Вязовский избрал простой путь. С полной откровенностью рассказал нам о том, каким образом он уцелел на почте на этой должности. Показал удостоверение сотрудника спецслужбы. Далее применил иллюстрации к сказанному. В то время мы искали квартиру и работу. Это было почти невозможно, а без работы не могло быть квартиры. Он ходил с нами после окончания работы на почте, как бы помогал нам найти жилье у своих знакомых. Но мы поняли, что он водит нас туда, где знал, что там не сдают. И потом пугал нас, что если мы не устроимся на работу, будем есть голубей. При этом он хвастался, что у него

дома целая огромная бочка засоленного мяса и всякой еды, забиты огромные холодильники, чтобы мы поняли, отчего мы отказываемся. Но ни тогда, ни потом мы ни разу не пожалели о такой рабской жизни. Ничего нет страшнее, чем чувствовать себя несвободным, связанным по рукам и ногам.

Нам его приходы жутко надоели. Олег наотрез отказался куда-либо попадать, ни в какую спецслужбу - не могло быть и речи. Когда мы были одни, Олег объяснял, что спецслужба, тем более, латиноамериканская очень опасна, задание может быть любое, это настоящие сети, из которых никогда не выберешься и никогда Родины не увидишь. Запугивание не помогло. Тогда Вязовский применил другую тактику. Сообщил нам, что переговорил со знакомым ему мэром города, по фамилии Апрель, что если Олег согласится, ему выделят ссуду в размере одного миллиона долларов на строительство коттеджа в элитном районе. Работу дадут с таким огромным окладом, что выплату кредита он не заметит. Этот участок охраняется специальной полицией

недалеко от Mar del Plata. Это означало бы, остаться там навсегда.

Такое предложение мы даже не рассматривали. Отказались наотрез и бесповоротно.

Но, надо сказать, что никакого насилия, принуждения не было. Им нужны были добровольцы.

Олег им подходил по всем параметрам: европеец, образован, знает английский. На какую именно работу имели ввиду Олега, Вязовский и сам не знал. Его задача была привлечь, что он и делал с большим усердием. Видя, что рвение его напрасно, он от нас, наконец, отстал.

Глава 9. Николантонио

В процессе общения Вязовский дал нам адрес своего соратника по спецслужбе. Он был владельцем и директором фабрики по производству полиэтиленовых пакетов. Звали его Николантонио. В Аргентине, не состояв на спецслужбе, не откроешь никакое свое дело.

Николантонио оказался симпатичным черноглазым толстячком. Мы предложили ему взять нас на фабрику, научиться изготавливать пакеты совсем неплохо. Но не тут-то было!

Вязовский, дав нам координаты, тут же позвонил ему. Чтобы не брал.

Но Николантонио захотел с нами пообщаться. Ему было интересно познакомиться с русскими. Он оставил на фабрике своего зама, и поехал с нами на своей машине к нам по дороге, показывая сдающееся жилье. По ценам оно нам не подходило и мы вместе поехали в наше временное пристанище, где нас ждала наша Рикочка.

У нас нашлось красное вино, курица вареная и салат. Пригласили заморского

гостя (или это мы заморские) к столу. Выпили. Побеседовали. Николантонио сообщил, что он итальянец, его отец во время войны был в плену у русских. А он очень любит русских. Поэтому? Мы не очень поняли причину любви к русским, но по его просьбе спели ему пару романсов – "очи черные" и "не уходи".

Он смотрел на нас во все глаза, как на диковенных зверей. Потом сообщил, что он с Марчелло Мастрояни из одной деревни. Это местечко называется Яни. А Марчелло – маэстро. И получилось – Маэстро из Яни. Сокращено – Мастрояни. Пообедав и послушав наши романсы, он ушел, покоренный русским менталитетом и гостеприимством.

Но работу не обещал. Он не мог послушаться Вязовского. Был ниже чином.

Глава 10. Sandra

С Сандрой Али мы познакомились на главпочтамте, куда регулярно ходили за письмами. Мы заметили друг друга, но не брали на себя смелость подойти и представиться.

Она была работником почты, а вечером училась в институте по туризму. Сандру мы чем-то заинтересовали, а возможно тоже была на специальной службе, но она осторожно наблюдала за нами, и однажды, подошла. Мы с Олегом стояли в хвосте длинной очереди на отправку корреспонденции. Сандра предложила нам сделать отправку у нее. Мы охотно подошли к ее столику, она приняла у нас заказные письма, мы обменялись телефонами и адресами. При этом она сказала, что по любому вопросу мы можем к ней обращаться. Договорились о конкретной встрече в этот же вечер. С ее братом, двадцатилетним Гижермо, мы познакомились позже. Папа у них венгр, мама чилийка.

Встречались мы у нас дома – всегда втроем. Мы с Олегом учили Сандру русскому

языку. Она быстро схватывала и отлично все понимала. Когда она к нам приходила, Олег открывал ей двери, первый вопрос ее был: "Катерина дома?" Услыхав утвердительный ответ, заходила. Мы к этому уже привыкли. В той стране было так принято. Девушка должна была находиться с молодым человеком в присутствии третьего лица. Общение наше продолжалось не более двух месяцев.

Когда мы получили по телефону известие о нашем срочном отбытии из Аргентины, для нас это был счастливейший день, но Сандра явно омрачилась. Мы отбывали в тот же вечер, как получили сообщение – 30 июня 1998 года. Зашли к Сандре попрощаться. Расстались мы навсегда. Автобус из Mar del Plata в Буэнос-Айрес уходил в 12 часов ночи. Провожать нас пришли Сандра и Гижермо. Счастливые лица на фотографии полностью отображают наше состояние. Вещи уже были в автобусе, попрощались. Уселись. Автобус был экипирован по всем правилам европейской цивилизации. Горячий кофе, соки – пожалуйста, сколько угодно, естественно бесплатно. Туалет – в

автобусе. Дорога – сказка, не качнется, не колыхнется.

Вечер перед отъездом я не забуду никогда. Нас предупредили по телефону сотрудники аэрофлота, что если мы не прибудем в аэропорт в 6 часов утра, предстоит огромная неустойка. А до Буэнос-Айреса 6 часов езды, нас это мучило, потому что денег на автобусный билет до аэропорта у нас не было. А тут еще неустойка!

Можно было согласиться на среду. Но от страха задержаться еще на два дня нас прямо трясло. Мы согласились прибыть к 6 утра. Наскребли деньги. Это только легко сказать "наскребли" Как мы их наскребали, это отдельный рассказ. Расскажу пока только, как мы преодолевали путь от нашего дома до парикмахерской "Людмила" на ул. Морена. Наш отъезд совпал с важнейшим для Аргентины днем: в этот день у Аргентины состоялся футбольный матч с Англией. Счет был равный. Только потому, что Аргентина не проиграла своим вечным конкурентам в стране шло такое ликование, что вся страна ходила ходуном. Это было страшное зрелище. Все проезжающие ма-

шины на полную громкость включили клаксоны, на открытых машинах стоя в синих-белых колпаках, размахивали флажками орущие люди. Деревья на улицах были усыпаны подростками, которые тоже издавали обезьяньи возгласы и неожиданно прыгали с деревьев прямо на головы прохожих.

Поход по улице представлял явную опасность быть покалеченным. Но нам с Олегом еще предстояло найти телефонку, на которую пришел из Москвы вызов. У нас же не было постоянного адреса, поэтому извещение не приносилось, а нам самим пришлось его искать. Нам, к счастью, это удалось. С препятствиями, но вполне удачно.

Зашли в "Людмилу" попрощаться. Парикмахерская "Людмила" была своеобразным неофициальным центром нашей русской жизни. Там обсуждались все новости, туда приносились все идеи, касающиеся дальнейших наших перспектив. Они знали о нашем стремлении отбыть из Аргентины, но абсолютно не верили в это. Это не удавалось еще никому в обозримом простран-

стве. Кроме одного армянина, который открыл на берегу океана собственный ресторан, потерпел убытки в 60 тысяч долларов и вовремя свалил в Москву, чтобы не потерять еще 100 тысяч.

Людмила с мужем Беней и 12-летней дочкой жили до этого в Ялте. Бенья был музыкантом, на чем-то играл, выступая перед Ельциным. А девочка была участницей конкурса "Утренняя звезда" под руководством Юрия Николаева. В Аргентину они приезжали дважды. В первый свой приезд они обосновались в г. Кордова. Открыли парикмахерскую. На устройство и оформление ее ушла сумма, равная стоимости ялтинской квартиры. Но, благо, что оставалась еще одна, родительская. Кордовский опыт не удался. Прогорели и вернулись в Ялту. Но огонь авантюризма в них уже не тлел, а горел ярким пламенем. Вернулись в Аргентину, но теперь уже в Mar del Plata. Опять сняли помещение.

На сообщение о нашем отъезде в Москву (через два часа) началось невообразимое. Все были в шоке. Как? Каким образом? Этого не может быть! Повскакивали с

мест и мастера и клиенты. Меня чуть не задушили в объятиях. Я подумала, какой Олег умница, что остался ждать меня на улице. Наконец, прощание было окончено, я выскочила на свободу.

Необходимо было еще забежать на телефонику и отменить назначенный радиостанцией "Свобода" разговор на следующее утро.

Несколько месяцев переписки с Анатолием Стреляным привели к публикации наших писем и требовалось интервью. Но, видимо, не суждено.

Выполнив все необходимое, мы бегом помчались собирать вещи, пробираясь как сквозь джунгли, уворачиваясь от прыгающих с деревьев латиносов. Дома мы лихорадочно схватились укладываться. Хозяин был далеко. Время уже заклинивало за пределы возможного. Еще утром мы ничего не знали об отъезде, поэтому не были собраны. Предупредить было некого.

Мы отключили воду, газ. Ключи положили – одну связку на стол, другую – в почтовый ящик. С вещами спустились в холл. Сердце бешено колотилось, только

бы ничто нас не задержало! У портъе уже было темно.

Вышли из дома. Стали озираться по сторонам в поисках ремиса. И тут появился полицейский. Сейчас начнется проверка документов! У нас они были, у нас и сейчас еще имеются аргентинские паспорта, но проверка займет время, а у нас и так было всего полчаса в запасе. Автостанция огромная, надо было еще найти свой маршрут.

Но полицейский сказал: *Byenos tarde, senora!* И предложил вещи погрузить в подошедшую машину. Мы поблагодарили и счастливые поплыли в новую жизнь.

Глава 11. Казино

Казино в *Mar del Plata* выглядит великолепным архитектурным ансамблем, состоящим из анфилады зданий на берегу Атлантического океана. Главным своим фасадом здания были обращены к центральной площадке, по которой ввиду непосредственной близости океана, приезжие Уругвайцы разгуливали в одних трусах,

демонстрируя кривые ноги. Вокруг этого заведения ходило много слухов и разных историй. Сюда стекались богачи испытать судьбу, выбросить адреналин, или просто развлечься. Были проигрыши в целое состояние, а потом – стрельба в грудь, собственную грудь. Из мировой классики мы знаем немало таких примеров, стоит только вспомнить Ф. Достоевского и Ст. Цвейга.

Но и мы решили побывать там, в плане любопытства. Ну нельзя же, побывав возле одного из самых значимых казино в мире, не познакомиться, не узнать, чем манит так людей это заведение.

Перед походом в казино мы психологически готовились. Я даже разбросала

карты, чтобы узнать, что сулит нам сегодняшней вечер. Играть по-настоящему мы не собирались. Но поставить пару фишек мы были обязаны. Такие порядки. И хотелось с помощью карт узнать, будет ли хоть крошечный выигрыш. Но карты никакого выигрыша нам не сулили.

Войдя, купили билеты по 5 долларов. Прошли по залам, чувствуя неповторимость момента. У меня всегда присутствует обостренное чувство истории. Все, что происходит в настоящий момент, я воспринимаю, как давно пройденный этап. Я как бы несусь вперед по настилу из прошедших событий. Это подтверждает мысль Олега, что в нашей жизни все давно прошло, и на планете все давно осуществилось, поэтому ничего нельзя изменить и в будущей жизни, которая тоже прошла. Мы молча проходили по залам, нигде не останавливались около игровых столов. Мы нутром чувствовали недопустимость остановок, это могло помешать игре, отвлечь. Лица у игроков были сосредоточены, взгляды прикованы к объекту вожеления. Фишки, карты

– ломаются судьбы, разбиваются на мелкие осколки мечты.

Итак, прошли несколько залов. Выбрали стол, где крупье кидает шарик. Здесь же, в окошке купили несколько фишек. Стали наблюдать за игрой, за ставками. Особенно усердствовали в игре двое – мать и сын. Лица их были похожи, в руках полные мешочки выигранных фишек. Было ясно – это завсегдатаи. Ставили на квадратики обдуманно, что-то высчитывая. Остальная толпа возле игрового стола нервно кидалась к свободным ячейкам, надеясь на везение.

А мы внимательно следили за происходящим и не остались незамеченными. Крупье поглядывал на нас и почувствовал себя некомфортно. Мы и костюмом и обликом резко отличались от окружающих. Крупье, молодой парень пригласил нас к игре. Зачем ему наблюдатели, тем более европейцы, явно приезжие, и неизвестно с какой целью! Он сказал по-испански: "Сеньора! Почему не играете? Я Вас приглашаю!" долго уговаривать нас не пришлось. Олег поставил фишки в лунку. Я – за ним. Шарик полетел. Не успел стукнуть-

ся, крупье объявил выигрышный номер. Ага! Понятно! Первым это понял Олег. Недаром на "крупье" учатся долгие месяцы. Оставив мизерный выигрыш игрокам, крупье стал деловито сгребать лопаткой свой барыш. Чисто случайно лунка оказалась в зоне прикосновения с выигрышным номером.

Мы поставили вновь. Олег тихо командовал. Я следовала указаниям, так как ничего не смыслила. Олег программист высокого класса, ум у него острый. Он сообщил, что загружать лунки надо не сразу, а чуть выждав, когда ставки сделают другие игроки, чтобы не поставить туда. Счет времени ставок идет на секунды, но надо успеть выбрать лунку, где мало фишек, но отнюдь не пустую. Крупье никогда не объявит номер, где лунка заполнена доверху. Требовалось мгновенно изучить рабочее поле и до команды отбоя успеть сделать ставку.

После первого нашего выигрыша, все затормозили ставки, взгляды были обращены на нас. Даже и мать с сыном не так уверенно держали руки в своих мешочках.

Наша задача – поставить последними не удалась. Все ждали, когда поставим мы. Фишки хлынули на доску беспорядочным ливнем. Лишь бы успеть! Загадочный крошечный сверкающий шарик, размером в диаметре не более 1,5 см, лихо завертелся. Судьба участников была решена. Мы остановились. Небольшой выигрыш компенсировал затраты на билеты. Экскурсия по казино была закончена. Но она стоила того, чтобы увидеть и почувствовать атмосферу рождения и крушения надежд. А также понять, почему казино никогда не бывает в проигрыше, и каким образом крупье деньги гребет лопатой в прямом смысле.

Глава 12. Хуан

Когда мы познакомились с Хуаном, деньги у нас были уже на исходе. Жил он в противоположном конце города и из экономии мы ходили к нему пешком. В один конец было не менее 20 км. Значительную часть пути мы шли по набережной океана, потом по улицам, далее через парк Люро и

не доходя до Constitution сворачивали на эвкалиптовую аллею.

Запах эвкалипта был слышен задолго до поворота. Не улица, а настоящая лекарственная аптека, не ограниченная стенами, а распростертая на неммыслимо огромном пространстве. Не надо и утруждать себя полосканием горла. Достаточно пройти взад-вперед по алее и спокойно подышать.

Хуан и не болел вовсе. Был очень крепкий мужик. Еще бы! Жить постоянно в лечебных парах! Но теперь у него был всего один дом, да и то, замухрыжный. Времена Перона прошли, когда у него было 8 домов.

Познакомила нас с ним Ольга Романович. Она рекомендовала ему меня как специалиста по массажу. У него как раз заболела спина и он попросил меня зайти к нему.

Что массаж у меня не техничный, я это знала, но об особых свойствах, проявляющихся в результате моих прикосновений, я узнала позже, когда после двух моих сеансов его жена после 4-летнего паралича ног, неожиданно начала ходить. Сначала я пришла лечить Хуана. Он разлегся на ди-

ване лицом на подушку, подставив много-страдальную спину. Я начала священно-действие. Его жена находилась рядом, иногда с трудом поднималась со стула, и ползла на кухню.

Из дома она не выходила со времен давнего инсульта. Хуан, принимая мои ручные напутствия, которые обычным силовым массажем трудно назвать, поднимал голову и говорил жене: "нехай вона и тобі зробе! Вона так пальчиками, пальчиками!"

Так, после двух сеансов Хуан полностью выздоровел. На смену ему в качестве пациента появилась его жена. Предстояло лечить ногу, которая отказывалась ходить. Надо сказать, нога у этой пациентки была почти каменной по плотности. Какое тут "пальчиками"! требовался отбойный молоток.

Но в задачи моего лечения не входило наличие физической силы, вернее ее применение. За два сеанса жена Хуана преобразилась, впервые отправилась на прогулку с Хуаном на расстояние 750 м от дома. И столько же обратно. Она сама мне об этом

сказала: "Учора мы с Хуаном гуляли!" и не сделала никакого вывода.

После 3-его моего воздействия, не успела я выйти из комнаты, она схватила огромный механический массажер и остервенело елозит им по больной ноге! Словно давала мне понять, вот как надо! Я ни слова не сказала. Молча вышла.

Больше не пришла. Напрашивался вопрос, что же за 4 года тебе не помог твой агрегат, а после моих двух сеансов ты пешком прошла 1,5 километра?

Через некоторое время я встретила Хуана в русском клубе, на мой вопрос о здоровье жены он ответил: "ты же нэ прыходьш!".

Немного позже мне понадобился Хуан по одному делу, связанному с нашим предполагаемым отъездом. Преодолев пешком необходимое расстояние от нашего дома до его жилища, я явилась для разговора к Хуану. Мы вышли на эвкалиптовую аллею. Я изложила суть вопроса. Он ответил утвердительно, и мы договорились о необходимой деловой встрече с определением места, времени.

Но на лице Хуана промелькнула какая-то неуверенность. Я попросила его хорошо подумать. При этом сказала: "Хуан, лучше не обещай, знай, что меня обманывать нельзя".

Он твердо пообещал. И обманул. И даже не позвонил по телефону об отмене договора. Мы потеряли неделю времени и были поставлены в трудные условия.

Когда обнаружилось коварство Хуана, мы шли с Олегом по парку Люро. Был яркий солнечный день. Порхали колибри, кактусы наливались соком, готовые выбросить наружу свои диковинные огненные красные лепестки. Одна природа была непогрешима и чиста в этот канун католической Пасхи.

За вероломство Хуана было до слез обидно. Я еле сдерживалась, чтобы не плакать на улице. Моя боль уже не помещалась внутри меня. Тогда я произнесла слова, последствия которых не замедлили проявиться. Я сказала сыну: "Как мог Хуан так поступить? Ведь это же наказуемо! Завтра Пасха! Я уверена, что просто так такой посту-

пока пройти не может. Двух недель не пройдет, как ему откликнется содеянное".

Если бы я только знала, до какой точности был мой прогноз! Но я ничего не могла изменить, это было предвидение. Все случилось ровно через неделю.

И каково же было изумление Олега! Он знал мои некоторые экстрасенсорные способности, но здесь, в Аргентине на протяжении южных магнитных полюсов они так развились и преобразились в нечто большее, такая точность предсказаний, внушала удивление.

Итак, последующие события нас поразили. Я не склонна относить все случаи такого порядка к совпадениям. Слишком их много. Буквально со всеми, кто проявляет порочные качества. Через неделю пришла я к Марии, с которой дружила. Только вошла, а она говорит: "Ты знаешь, что с Хуаном случилось?" Я говорю, нет. Она продолжает: "У него сломалась машина, он сел на велосипед. Быстро мчался, пока на него не набросились собаки.

Они на ходу хватили его за ноги, стаскивали с велосипеда и не давали ехать. Он по-

пытался спрыгнуть в надежде, что они останутся, да так неудачно упал, что разбил коленную чашечку и повредил бедро. Теперь лежит дома неподвижно на специальном топчане с вбитыми четырьмя штырями от колена до бедра".

В больнице ему все сделали и отправили домой. Там один день пребывания стоит 150-200 долларов. Мне было его жаль и я пошла его проведать. Хуан лежал, спеленутый бинтами, как куколка. Не шевелился. Увидев меня, виновато повернул голову. Ведь я его предупреждала быть осторожным! Немного поговорили. Я пожелала ему скорого выздоровления и ушла.

Больше мы с ним не виделись, и я не знаю ничего о его дальнейшей судьбе.

Вскоре мы покинули страну. Наш отъезд для Анны Семеновны стал настоящим ударом. Она всячески препятствовала этому. Кстати, ко дню нашего отъезда она тоже была в лежачем положении. Прекрасно водя машину, ее как-то угораздило быть прижатой самосвалом и еще было неизвестно, сможет ли она подняться. Я позвонила ей по телефону, попрощалась, сооб-

щив об отъезде. Она не поверила, сказав, что у нее в столе тоже 10 тысяч таких бумаг, но никто еще не уехал.

Hay que terminar,
Заканчиваю

Мы навсегда уезжали из этих мест, куда стремились с неудержимой и непостижимой силой и откуда рвались так, что корежилось нутро, и как в стихах у сына: "до стона костей". Suetre (судьба) – иначе это не назовешь. Автобус от Mar del Plata уходил ровно в 12 ночи. Только маленький огонек от автобуса освещал ночной мрак. Автостанция была не освещена, других автобусов не было. Мы с Олегом счастливые до предела, перед отправкой стояли возле автобуса, душа замирала и сладко пела. Появилась Сандра с братом Гижермо. Принесли подарки. Сфотографировались. Тепло простились и мы сели в автобус. Автобус тронулся в путь по прекрасной дороге. А у нас замерло сердце. Олег разложил кресло, лег и расслабился. А я, сидя, наслаждалась счастьем. Сколько раз за этот год я представляла себе этот миг! И вот он! Целый год не пролетел, а протащился, каждый день оставляя зарубины и рубцы. Но для тяжелых переживаний фоном остался

чистый берег Атлантики с кружащимися чайками, кошками, живущими в прибрежных камнях, кактусами, алоэ, фикусами высотой с дом.

Тельце нашей любимой Рикочки осталось в лесной части крутого берега. Она, как родной любящий человек делила с нами все невзгоды и радости, целых семнадцать лет!

Мы выплыли из ночного мрака спящей автостанции на освещенную дорогу навстречу новой жизни, сложившейся таким тяжким образом, такими испытаниями, что на ногах устоять могли только очень пластичные и оптимистичные люди.

Senoras y senores!

I Buena suerte!

Exitos! ¡Que lo pase bien! No me despido de usted.

Послесловие

Когда на куски разлетелась страна, мы очень сильно ощутили последствия этого исторического судьбоносного разлета. Отрыв Украины от России ударил нас, русских, по самым больным местам. Не только экономически, оборваны были все связи, но и морально нравственные нормы оказались за пределами понимания. Искусственное насаждение украинизации в институте, где я работала в качестве научного сотрудника, достигала смехотворных рамок. Для проведения лекций для русскоговорящих студентов требовался перевод с русского текста на украинский.

Мы с сыном решили на год уехать в Аргентину, где ворота для приезжих были настежь распахнуты. Чтобы зарабатывать средства и осесть в моем городе, где я родилась, в Санкт-Петербурге. До сих пор сохранилась на прежнем месте моя песочница, где в детстве я проводила много времени.

В дальнейшем события развивались таким образом, что не каждый бы устоял на

ногах в вертикальном положении, не рухнул бы от отчаяния и беспросветности из-за навалившегося горя и тяжелых перемен. И тогда, когда я осталась совершенно одна, потеряв единственного сына, без жилья и средств и без надежды приобрести жилье, без какой-либо помощи, я не разбилась, не кинулась ни к каким порокам, будучи уже в солидном пенсионном возрасте. Скажу, что помогло мне выстоять. Во-первых, я всегда была готова к пониманию временности состояния, не относилась к своему положению, как к чему-то навек данному. Во-вторых, в результате моего многостороннего опыта постоянного общения с искусством, природой, неизменно испытывая теплые, родственные чувства к окружающему миру и населяющим его субъектам, я оказалась защищена "воздушной подушкой". Поэтому, став пластичной, почти неуязвимой, после того, как в ведущих банках и страховых компаниях Украины, на приеме у представителей городской власти и представителя президента Украины, меня сажали в почетные кресла, была почетным гостем в офисах деловых людей, (у нас было

три собственных предприятия), после всего этого оказаться в другой стране на нищенском положении, без работы, без пенсии, без прописки, без денег и жилья с тяжело больным сыном – я не сломалась. И не соприкоснувшись ни с какими пороками, не потерять надежду на восстановление! Изумительное напутствие: "не верь, не бойся, не проси!"

Так случилось. Это надо было пройти. В Санкт-Петербурге, куда мы прибыли из Аргентины, поиски каких-либо средств для нас с сыном толкали меня в 28-градусный мороз зимы 1998 года в марлевых больничных штанах на босую ногу каждое утро торопиться на электричку для поездки в область на заработки.

Если выпадала удача вооружиться в дорогу двумя вареными картофелинами, одна отдавалась встретившейся собаке, такой же голодной, как и я. И никто ни о чем не догадывался. Тихо проходя в свою снимаемую конуру, в спину слышала злобные выкрики: "Понаехали тут!" А кто понаехал? Я коренная ленинградка, а они сами понаехали по какому-то набору. Родной го-

род стал чужим, встретил нас враждебно и чиновники и простые люди. А по нашему внешнему виду и не скажешь о степени бедствования.

Мы одевались в свои красивые одежды, которые имели в хорошее время. Только наблюдательный человек мог заметить, как висела на мне дорогая юбка, которую, я вынуждена была прикалывать к кофте булавками, чтобы она не упала с моих некогда крутых бедер.

Нам помогала уверенность, что обязательно все изменится к лучшему. Мы с сыном уже имели опыт возрождения во время перехода советской системы в человеческую.

И напоминали друг другу об этом опыте. Мы говорили: "ничего, все изменится к лучшему". Свято в это верили, и действительно стали понемногу возрождаться. В дальнейшем мне пришлось пережить тяжелейшую разлуку навсегда с любимым сыном. Сказался Чернобыль и многолетняя бронхиальная астма.

Первое время после случившегося земля подо мной, когда я ступала, казалась

зыбкой, разъезжалась. Надо было учиться ходить заново. Сын меня учил: "Надо жить достойно и достойно уйти". У нас уже была зарегистрирована организация. Были назначены деловые встречи, которые нельзя было отменить. Обстоятельства заставили меня постепенно возрождаться и обретать твердую почву под ногами в прямом и переносном смысле. Умение страдать за других отодвигает от нас наши несчастья. У меня постоянно работает душа – трепещет при виде чужого несчастья, пусть, это птичка с поврежденной лапкой, которая в лютый мороз добывает семечку или крошку хлеба. При виде несчастной собаки или кошки. Постоянно ношу при себе что-нибудь для них.

Наша естественная тяга к Добру, так как мир божественен, боль души за других людей, и создает воздушную подушку, обволакивает нас, как коконом, защищая от всевозможных ударов судьбы.

Ответственность в наших поступках всегда убережет нас от многого. Хороший писатель Д.В.Григорович замечательно

сказал: "Коли душа чиста, так и злой дух тебя не тронет".

А неблагоприятные поступки имеют отрицательный отклик. Я имею все основания в это верить. Подтверждением этому были и аргентинские наблюдения. Все носители недоброжелательных поступков оказались в лежачем положении. И даже сама страна Аргентина, ведя бандитскую политику в отношении приезжих, сильно пострадала в 2001 году. Мы это видели по телевизору. Народ громил банки, офисы, жгли дома. Денег банки не выдавали. Погасло электричество, не работали коммуникации. Не скрою, живя там, я глубоко возмущалась поведением властей. Приезжих бросили на произвол судьбы, хотя фактически мы были туда приглашены. На письма не отвечали, ни президент, ни ответственные организации. А ведь это был проект – освоение земель Аргентины и вливание восточных умов в развитие Аргентины. Живя еще там, я сказала: "Ну, погоди, Аргентина! Ты у меня еще попляшешь!" и когда я увидела по первому каналу картины разгрома Буэнос-Айреса народом всего то-

го, что составляло их бездумную и безбедную жизнь, я не удивилась и со спокойной уверенностью сказала себе: **Я ЭТО ЗНАЛА!**